

Книга написана под впечатлением от произведения
М.А. Булгакова
“Мастер и Маргарита”

Александр Гайсин
Евгений Мельников

Любовница
Иуды

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

РОМАН

18+

Александр Гайсин
Любовница Иуды

«Автор»

2000

Гайсин А. Г.

Любовница Иуды / А. Г. Гайсин — «Автор», 2000

Уже 2000 лет Иуда Искариот не в ладах с самим собой и со всем миром. В загробной жизни ему не дает покоя не только предательство Иисуса, но и неразделенная любовь к Марии Магдалине. Небесная канцелярия даёт Иуде шанс обрести свой «Рай», отправляя его в опасную командировку на остров грешников, где живет точная копия Магдалины — Мария Залетнова. Чтобы спасти возлюбленную и других островитян от божественного гнева, Иуда повторяет путь Христа... Содержит нецензурную брань.

© Гайсин А. Г., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
1. В особняке на Водопроводной	5
2. Ночь с Марсальской	9
3. Информация пионерчика Геры	12
4. Александр Гайсин и Ирнег Тимс	14
Глава 2	16
5. Тяжёлая участь пророка	16
6. Встреча с губернатором Ферапонтовым	22
7. Праздник Великого Островитянина	26
Глава 3	33
8. Муж и жена – одна сатана	33
9. Дела и слухи	37
10. Вербовка	41
Глава 4	48
11. Встреча с дьяконом Родионом	48
12. Следователь и следственные действия	51
13. Только без вранья!	58
14. Два духа одного тела	58
Глава 5	63
15. Петр Караченя и колдунья Ядвига	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Гайсин, Евгений Мельников

Любовница Иуды

Часть 1 «Зелот»

Глава 1 «Иуда из Кериофа»

1. В особняке на Водопроводной

Когда живая тень пересекла тьму кладбищенскую, в ближайших дворах забрехали собаки, тревожно заблеяли овцы, а бройлерный петух сверзился от страха со штакетника. Тот же, кто явился из лилового сумрака надгробий, жадно вглядывался в теплое пространство ночи, по-звериному принюхивался, наслаждаясь старыми запахами новой земли.

А в это время, в одной из просторных комнат старинного, но добротного купеческого особняка, замыкавшего грязную улицу Водопроводную, молодая женщина в тёмном и свободном плаще с капюшоном входила в глубочайший транс. И она достигла экстатического напряжения такой силы, что низкий овальный столик в комнате начал сам собой медленно вращаться против часовой стрелки. Глаза женщины оставались полужакрытыми, ярко накрашенные губы нервно подергивались, кровеняя болотным цветком на белом и неподвижном, словно загипсованном лице. Остальные присутствовавшие (а это были мужчины, которым не терпелось выпить) косились на вычерченный мелком корявый восьмигранник на полу, по углам которого тлели лампадки, заправленные оливковым маслом и змеиным жиром. За периметром чертежа в направлении востока, на вершинах отдельно нарисованного треугольника дымились кадилницы, где на древесных углях (осиновых кубиках) испарялись капельки ртути. В медном котелке, установленном в центре восьмигранника, синеватым шелком струились язычки горящего спирта, настоянного на сушеных головках земноводных гадов.

И вот, когда ожидание чуда переросло в томительное нетерпение, а соседский петух, оклемавшись после испуга, вспрыгнул на сонную курицу, в тяжёлые двери старого дома три раза постучали. Стук был неприятный, будто вколачивали гвозди в крышку гроба. Мужчины вздрогнули и переглянулись, а женщина, облизнув губы, сведенные судорогой тщеславной усмешки, пошла открывать. Вскоре порог большой комнаты переступил рослый плечистый субъект в чёрном костюме, с небритым отечным лицом, в тупоносых ботинках, испачканных сырой глиной, и произнес простуженным голосом:

– Шалом лакем!

Вместо ответного приветствия последовал хлюпающий возглас изумления смешанного с ужасом. Сутулый паренек с длинными волосами, лежавшими жирными косицами на плечах, рванулся было к двери, чтобы скрыться, но его успел ухватить за рукав лысый бородач с кожаной повязкой на глазу, хотя ошеломлен был не менее.

– Мир вам, добрые люди, – чуть тише повторил гость и кашлянул в кулак.

– Вениамин? Кувшинников? Но ведь ты... – Женщина в легкой панике отступила...

– Я Иуда из Кериофа. Вы меня вызывали?

Угрюмую тишину за окнами снова нарушил вой собак. Вслед за этим шумно зашлёпал крыльями бройлерный петух, должно быть, слезая с очередной курицы. А старинные часы, мастерски вмонтированные в грудную клетку человеческого скелета, подвешенного к стене, запоздало пробили полночь: из круглого окошечка выскользнула железная ворона и прокаркала двенадцать раз.

Мужчины стали неотвратимо жестко трезветь. Первым не выдержал атаман Бабура, крепко выпив в расстёгнутом кителе и мягких яловых сапожках – он метнулся к дальнему столу с напитками и закусками, плеснул в стакан мутноватой жидкости и залпом выпил. Густо крякнув, бросил в рот вялый кружок соленого огурца и погладил пальцами тугие снопики обкуренных усов. Его раскосые глазки недобро перебежали с хозяйки на гостя и обратно.

– Шутница ты, Ираида Кондратьевна. Ещё Наполеона пригласи для компании... – Атаман крепко стиснул желтоватыми зубами серый мундштучок папиросы.

– А кто такой Наполеон? – спросил гость с усталым любопытством.

Мужчины уже не удивились, лишь тревожно переглянулись.

– А ты и впрямь из этого... Хериота! – рыхло затрясся от смеха Бабура. И налил ещё спиртного в свой стакан. – На вот, хряпни-ка лучше. А то совсем отупел с дороги. Будто из могилы вылез.

Вновь прибывший блекло усмехнулся, взял стакан, поднес его к губам и поморщился от дрянного запаха, ударившего в нос. После первого же глотка он по-рыбьи разинул рот и замотал головой:

– Это не сикер, а цикута. Нет ли у вас красного вина?

Бабура присел к столу, налил в чистый стакан из другой бутылки и протянул гостю со словами:

– Откуда ж ты, друг любезный? Как звать-величать? Где корешки твои зарыты?

Гость не спеша попробовал новый напиток и одобрительно цокнул языком. На его землистых азиатских скулах выступил, пробившись сквозь густую щетину, слабый румянец, по слегка оттаявшим белкам растеклась маслянистая плёночка, на которой заиграли блики от черных свечей, горевших по всем углам. Он уверенно сел в кресло и расстегнул верхнюю пуговицу белой рубашки, вздувшейся на груди под измятым пиджаком, на крупно вылепленных губах воскресла извилистая усмешечка.

– Я же сказал: я – Иуда, сын Симона, из поселка Кериоф-Йарим, что на крайнем юге Иудеи, в дне пути от Хеврона. Был казначеем в общине Егошуа из Эль-Назирага, что в земле Завудоновой и Нафалимовой, на пути приморском, за Иорданом, в Галилее языческой. Теперь я в очень важной командировке. Заодно и на ваш вызов явился. Итак: зачем я вам понадобился?

Бородач с голым шишकाстым черепом и пиратской повязкой на правом глазу резко подался грудью к краю заставленного стола, посверкивая хищным оком.

– Не валяй дурака, Венька! Мне ли не знать этой родинки на твоей шее и наколки на среднем пальце? В армии нам старшина её сварганил. У меня такая же... – Он поднял палец. – Вспомнил?

Гость поглядел с искренним любопытством на татуировку – бледно-синий крест на символической могиле – и нахмурился.

– Римская виселица? Я бы не позволил. Не понимаю, откуда это. Но точно знаю, что я Иуда из Кериофа. Вернее, был им. Вы меня путаете с кем-то.

– Тебя я ни с кем не спутаю, свидетель Иеговы! – Во рту бритоголового блеснула фикса, а в голосе послышались застарелые обиды и претензии.

– Значит, мы знакомы? – раздумчиво пробормотал гость, когда взгляды их скрестились: теперь и ему показалось, что он уже где-то встречался с этим гололобым цыганом в жгуче-красной муслиновой рубахе и с золотой серьгой в ухе.

– Перестаньте нервировать дорогого гостя! Я всё поняла. Перед нами действительно Иуда Искарот, наш собрат и учитель.... Разве ты не чувствуешь, Валет, что это не дух Вениамина, а дух посланника бездны, продолжателя великого дела Каина, Корея и Ахитофеля?! – Женщина театрально воздела полные руки к потолку, затейливо распisanному эротическими сценками из ночной жизни Эдема, и закатила под лоб черешневые косточки глаз. Крово-винные губы нервно задергались, тонкие крылья прямого носа плотоядно затрепетали – она бы с удовольствием упала сейчас в обморок, если б не боялась оплошать перед симпатичным гостем.

– Ты это о чём, Ираида? Екалэмэнэ! – Бабура проворно опрокинул в рот ещё стаканчик мутного голубоватого напитка. – Ежели о духе, то он и впрямь тяжёлый. Покойничком несёт, прямо спасу нет. – Атаман незаметно осоловел: его взъерошенная голова моталась от плеча к плечу, как перезревший подсолнух на ветру.

Бабура вытащил из заднего кармана галифе серебряный портсигар и долго выковыривал из-под тугой поперечной резинки папиросу, – она мялась и крошилась в непослушных пальцах.

Взгляд гостя нечаянно упал на внутреннюю сторону крышки портсигара, заклеенную цветной фотографией красивой улыбчивой девушки. Он вздрогнул и не поверил своим глазам. Только сейчас гость наконец понял, что время всё-таки существует, что оно забирает его так же плотно, как густое красное вино на пустой желудок.

Лицо на снимке было так ему дорого, что Иуда не заметил, как портсигар очутился в его дрожащих руках. Он даже рассердился на атамана, который стал громко возмущаться, требуя вернуть «подарок дедушки Мартына славного казака»...

– Ты чего, екалэмэнэ, пялишься на мою жинку? В чём дело? – насканивал воинственно настроенный Бабура.

– Она ваша жена? Но ведь это вылитая Мария из Магдалы, дочь Мишманна, владельца маслобойни.... Это точно она! – восклицал в ответ пораженный гость.

– Чего-чего? Какая ещё Магдала? Это моя Машка, Маруся Залетнова. Она хоть и стерва, но я её люблю. И не позволю... Ишь, Магдала! Плевал я на неё с нашего кургана, екалэмэнэ! Моя Манька родом из деревни Протопоповки, что в тридцати верстах отсюда. И прошу не впутывать её в ваши иудейские древности. Связался я тут с вами... – Бабура, пошатываясь, встал, свирепо уставился на гостя и вдруг резко ударил кулаком по столу. – А может, ты один из её секретных хахалей? Тогда прощайся с жизнью. Где моя сабля? З-зар-р-ублю!

– Петруха, помоги дяденьке, – поморщился Валет.

Прыщавый паренек с характерными редкими жгутами сальных волос, с лицом деревенского церковного служки, до этого времени как-то агрессивно молчавший, пожирая выпученными глазами загадочного гостя и подергивая серыми щеками, взял Бабуру за плечи и повёл к дивану. Нежные пружины глухо заворчали под небольшим, но упитанным телом казака.

– Ты кто такой? Где я нахожусь? В Магдале? Я пришел целовать красивую скифскую женщину, а ей вдруг захотелось какого-то Хериота. Екалэмэнэ! – негодовал атаман. Он вскоре шумно затих: от его мощного храпа колыхал робкий язычок свечного огня, а по стенам забегали тени.

Горячечный бред казака так разволновал гостя, что он жадно опустошил ещё один стакан вина и в невольном возбуждении сунул неприкаянные руки в карманы траурного пиджака. В правом он неожиданно что-то обнаружил, на ощупь – половинку монеты. Заранее пугаясь, гость извлек находку наружу и растерянно уставился на обломок серебряного сикля, потемневшего от времени...

Время вдруг уплотнилось необычайно: казалось, на ладони лежит не монета древней земли Эрец-Исраэль, а материализовавшиеся в металле столетия и эпохи. С удушливым замиранием сердца разглядывал гость изображение: сломанные ветви оливы на одной стороне монеты и половину оттиска кадилницы на другой. Особенно его удивил обрывок надписи «Иерусалим святой», из которой ему досталось слово «святой». Как эти полсикля очутились в

кармане чужого пиджака? На какой-то миг Иуде почудилось, что он ухватил разгадку за хвостик, хотя она тут же выскользнула – будто одна из тех ящериц, спинки которых кинжально сверкали на солнышке среди священных камней вокруг храма Соломона и Зеровавеля...

В это время к нему подскочил бритоголовый и, выхватив полсикля, впился в монету одиноким прищуренным зраком часовых дел мастера, он обнюхал монетку, вдохнув чужестранные пылинки, даже попробовал на зуб и помрачнел ещё больше, голые виски заблестели от пота. Иуде показалось, что пальцы Валета (все в шрамах от порезов) теребят не кусок старинного серебра, а его обнажившееся сердце. Когда же удалось отобрать назад обломок монетки, боль сразу пропала – стало ясно, что лучше её никому не отдавать.

– Ты не узнаешь свою половинку? – спросил, задыхаясь, Валет. – Не пудри мозги, Вениамин Михалыч. Вспомни: мы тогда стояли на посту у памятника...

– Повторяю ещё раз: родом я из колена Иудина и к колену Вениамина никакого отношения не имею. Возможно, это совпадение, – сказал гость с простодушной улыбкой.

– Совершенно верно! – поддержала хозяйка с угодливо булькнувшим смешком.

– Искарриот в облике Вениамина? Даже в страшном сне такое трудно представить! – Валет с кривой усмешкой покосился на Петруху, который угрюмо прихлебывал домашнюю наливку, и прыщи его, под воздействием выпитого, пламенно набухали на съеденных худобой щеках.

– А в Эрец-Исраэль, наверно, уже утро... – Гость мечтательно вздохнул и опустил ресницы. Под уютный храп атамана хотелось зевнуть до сладкого хруста в скулах. Разлитое по телу земное тепло напомнило о детстве, о матери, о родном поселке, затерянном в горной долине. Когда это было? И было ли вообще?

– Ты ему веришь, Зелот? – раздался заносчивый голос Валета.

– Да, это он... Иуда, – хрипло подтвердил Петруха и вцепился изо всех сил в лакированные подлокотники старинного ветхого кресла... Его глаза заслезились от натуги, пугая сумасшедшим лихорадочным блеском, словно Петруха пытался загипнотизировать окружающих.

– Зелот? – удивленно переспросил гость, разлепив отяжелевшие веки. – Я не ослышался? Кто тут Зелот?

Как бы сплюснутая с боков голова молодого человека мелко затряслась, уголки губ обметала сероватая накипь – всё, по-видимому, шло к тому, что вот-вот он брякнется с кресла на пол и забьется в ужасных корчах. Так бы оно и случилось, если бы в полуночной тишине дома не раздались новые звуки. Откуда-то с верхнего этажа просочился сквозь толстые стены какой-то животный, почти безумный смех, который между короткими паузами переходил то в утробный хохот болотной выпы, то в сладострастное свиное уханье, а то и в горестное волчье завыванье.

У гостя зябко свело кожу на затылке. Он со страхом посмотрел на хозяйку странного дома, но допытываться ни о чём не стал – она же не только с видимым равнодушием восприняла эти жуткие звуки, но и как бы обрадовалась им: в её ожесточенном взгляде мелькнуло горделивое удовлетворение человека, приобщенного к некой тайне.

– А тебе, Марсальская, скучать не приходится, – с нескрываемым отвращением заметил Валет.

Один Петруха, казалось, чему-то обрадовался. Он с облегчением вздохнул и вытер липкий пот со лба рукавом канаусовой косоворотки. Расслабленно вытянувшись в кресле и дрыгая ногой, он закрыл глаза, а его плотно сомкнутые губы тронула болезненная усмешка.

Когда металлическая ворона прокаркала два раза, хозяйка дома встала и хлопнула в ладоши.

– Наш дорогой гость устал. Пора всем баиньки.

2. Ночь с Марсальской

Она повела гостя по деревянной лестнице на антресоли и по пути успела рассказать, что этот дом когда-то принадлежал её родному дяде Игнатию Марсальскому, красильных дел мастеру, теперь она выкупила особняк и превратила его в надежную крепость для всех изгнанников духа.

– А какова цель вашей командировки? Со мной-то можете поделиться? – спросила Ираида Кондратьевна, когда они вошли в благоухающую чистую комнату.

– Утром скажу, – уклонился гость от прямого ответа. Он был так выбит за два часа активного питья и болтовни, что боялся невольного продолжения.

– Думаю, это произойдет раньше, – игриво улыбнулась Марсальская и вышла.

Он не понял намека. С давно забытой неловкостью разделся до длинных по колени сатиновых трусов и замер возле трехстворчатого зеркала: отражение вроде бы его, но в то же время такое чужое, холодное. В душе колыхнулось что-то давнее, связанное с Марией, а значит, и со страданием. Переполненный нахлынувшей тоской, он повалился на кровать с кружевными накидками на спинках и зашептал в душистую подушку:

Ты прекрасна, Мария, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы, груди твои – холмы иерусалимские, ласки твои слаще вина...

И тотчас, вслед за сладостным выплеском, похожим на вечернюю молитву, явилась иная мысль – о другой Марии, поразительно похожей на первую, и он успокоился, обретая неукротимую надежду. Растроганный, он собрался было нырнуть под стёганое одеяло, но неожиданно скрипнула дверь, и в размытый сумрак комнаты скользнула хозяйка. Чернично-блестящие волосы струились по округлым плечам, под прозрачным пеньюаром волнуяще зыбилась луковичная нагота, в руках Ираида Кондратьевна держала два зеленоватых бокала с искристой влагой – у гостя сразу пересохло в горле от жажды и страха.

– Причаститесь, Иуда Симонович. Настоящая амброзия, напиток богов, – Марсальская заиграла роковыми глазами.

– У вас, что – много этих богов? – Бокал он таки взял и осушил несколькими крупными глотками.

Хозяйка оказалась права: прежняя сонливость исчезла, как не бывало, в счастливо загоревшихся глазах вспыхнула радуга; окружающие предметы плавно смещались к окну и уплывали через открытую форточку в ночь...

...И вот он уже сидел на пеньке, в прозрачном лесу, и обнимал молодую обезьянку из соседнего стада. Она корчила смешные рожицы, терлась горячей мордочкой о его плечо, одной рукой гладила ему шею и мохнатую спину, а другой исследовала волосатое пространство от горла до паха; потом крепко зажала в кулачке мощно спружинившее орудие, – так держат палку для сбивания кокосов. Тут уж он рыкнул от удовольствия на весь лес, поощрив её действия нетерпеливым движением корпуса вперед. Но вспыхнувший было азарт перебил отвратительный знакомый смех за плотной стеной деревьев, который затем рассыпался на голодные крики гиен и шакалов, на прочие ночные песни Иосафатовой долины, где, по древнему преданию, должна прозвучать грозная труба Архангела. При звуках этой трубы восстанут из могил грешники на Страшный суд.

Будто уже услышав приближающийся трубный рев, он вспомнил далекую галилеянку и заметался в своей телесной пещере, стал мучительно расслаиваться, искать выход и, найдя искомое, радостно устремился в серебристый просвет, вырвавшись из тела, как из утробы огромной рыбы. Теперь, с высоты тяжелой люстры, мог он наблюдать внизу, на смятой постели, чужие шевелящиеся тела: одно из них, поменьше и поизящней, оседлало другое, мускулистое и крупное, охваченное сомнамбулическими движениями... Двое вместе с постелью куда-то мча-

лись по каменистой долине среди гробниц, почти заваленных огромными валунами. И наездница, хищно раздувая ноздри, улыбалась назло мертвецам, дразнила их чувственным оскалом, царапая красными ногтями могучую грудь своего жеребца; она то скорбно подвывала, будто иудейская плакальщица над покойником, то просила пощады, как языческая ведьма, посаженная на кол. Её подстегивал озлобленный вой гепарда за стеной белых берез на обоях. Этой погоне, казалось, не будет конца. Но вдруг, будто кто-то из засады выстрелил наезднице в спину – она с гибельным воплем прогнулась в пояснице, запрокинула ослепленное страстью лицо, судорожно сдавила ляжками истертые бока скакуна и, уронив руки, упала лицом на широкую волосатую грудь Иуды.

Всё это было нелегко вынести, особенно в жарко-пахучем пространстве спальни. И тогда Иуда вновь скользнул в узкую расщелину губ – в покинутую им гробницу, властно требующую его возвращения. Почувствовав обмякшую плоть наездницы, он победно зарычал в потолок и рухнул вместе с ним в огненное озеро, на самом дне которого услышал ласковый женский шепот: «О, мой мустанг ближневосточный!» Ему ничего не оставалось, как назвать её прекрасной самарянкой.

Освободившись от горячего тела хозяйки, освоившийся гость вскользь поинтересовался насчет Залетновой: мол, часто ли она бывает в этом доме?

– Сейчас редко. А раньше любила мои спиритические сеансы, – произнесла Марсальская прерывающимся голосом. – Однажды я вот так же вызвала твой дух: ты немного поастралит в треугольнике над кадилницами и что-то ляпнул недовольным тоном. Машка побелела от страха: я, говорит, откуда-то знаю этот голос. И больше не приходила.

– Знает мой голос? – встрепенулся Иуда.

– Просто была пьяна. А по пьянке каждый мужчина кажется родным и знакомым, – засмеялась Марсальская и надавила пальчиком на его хрящеватый нос.

– Это правда, что ты пожалел драгоценного масла для Иисуса? Дескать, лучше бы продать его, а деньги раздать нищим, чем без толку умащать им пыльные ноги...

– Вранье! Во-первых, я никогда не любил нищих. От них – всё зло в мире. Тут равви просчитался. А во-вторых, кто тебе это сказал?

– Святые апостолы. Писание надо читать.

– Почитаем на досуге.... А Залетнова с атаманом давно живет?

– Не очень. Ты что, уже глаз на неё положил? Шустрый ты парень! С Машкой у тебя тоже проблем не будет. Лучше расскажи, как там наверху, в высших сферах? Ты, чай, по правую руку от Князя?

– Это кто такой? – удивился Иуда, лежа с закрытыми глазами.

– Ну, как же... не скромничай. Тебе ли не знать Хозяина Бездны! – Марсальская шершаво лизнула его кончиком языка за ухом.

– О, люди, люди... Чепуха всё это. Всё проще, и всё сложнее. А я, хозяйюшка, человек маленький и в большую небесную политику не вмешиваюсь. Через сорок дней сама кое-что узнаешь...

– Что за сороковины? – насторожилась Марсальская, приподнимаясь на локте.

– Уполномочен заявить, что если вы, жители Тотэмуса, не покаетесь в грехах, то вместе с островом уйдете под воду. Как говаривали у нас в Иудее, маленький Армагеддон вам будет обеспечен, – усмехнулся Иуда сквозь легкую дремоту.

Марсальская спустила с кровати полные смуглые ноги и туповато уставилась на гостя.

– А ты не перепутал что-нибудь? Хрен у тебя лучше головы работает. Кто тебя к нам подослал? Да ещё с крестиком на шее. Тьфу!

– Откуда я знаю? Мне велено передать вам эту информацию... – Иуда широко зевнул, поднял с пола длинные черные трусы и стал надевать их, мысленно одобряя неиссякаемую творческую выдумку человечества.

– А за какие грехи нам каяться? И перед кем? У нас всё для народа и во имя его.

– Значит, есть за что. Места у вас гнилые, безводные, хоть вы и находитесь посреди моря.

А всякая нечисть это любит.

– Ты на кого работаешь, Иудушка? – со зловещей ласковостью спросила Марсальская.

Она встала и подошла к нему вплотную. Её чуть приоткрытые глаза-раковины сверкнули дымчатой влагой, в которой зрачки смахивали на двух крошечных осьминожков, высунувшихся из каменной норки.

– Все мы на общее Небо работаем. Только одни – на первое, а другие – на седьмое. Потом бухгалтерия подбивает бабки.

– А я–то думала, ты слуга Князя, – разочарованно протянула Марсальская. – Он бы тебя за такие проповеди...

Иуда взял её за еще не остывшие плечи и заглянул в самые зрачки: два осьминожка пугливо скорчились, закрывшись бледно-фиолетовыми выбросами.

– Не бабьего ума дело, кто кому служит. Не собирай горящие угли, ибо падут они на твою глупую голову. Поняла?

Марсальская в некотором замешательстве отошла к трюму, трезубцем возвышавшемся возле зашторенного окна. Одним движением руки собрала волосы в пучок, прихватила их блестящей заколкой в форме золотого скорпиона и с ледяным прищуром принялась разглядывать себя в зеркале, сердито гримасничая. Не оборачиваясь, лениво спросила:

– Нешто не дали тебе сверху немного чудодейственной силы? Исцелять, например? Убивать своих врагов на расстоянии?

– Я сам не захотел. Надеяться на свои силы интересней. Радоваться солнышку, птицам, женщинам. И все это как впервые, как в последний раз. А жить с небесной нагрузкой – скучно. У меня было много конкурентов на эту командировку. Один ваш бывший поэт тоже просился. Кудрявый такой, его, кажется, звали Пушкин, вылитый бедуин из пустыни. Но в итоге никто не пожелал сойти на землю простым смертным и окончательно исчезнуть через сорок дней вместе с островитянами-грешниками. Потому и выбрали меня. Терять мне особенно нечего. А может, решили, что такому быстрее поверят. Ходили слухи, мол, менталитет у меня подходящий. А что это за штука и с чем её едят – никто не объяснил.

Рассказывая, Иуда поглядывал в окно сквозь узкую щель между тяжелыми камчатными гардинами, украшенными бахромой и фестонами. За окном царила беззвездная ночь. В антрацитовом небе желтел острый осколок луны – как отраженная в воде половинка серебряной монеты. Темень захламленного двора прорезал лезвием луч лунного света. По обе стороны выхребтили спины два тощих представителя кошачьего племени: один из них вспрыгнул прямо на спину другому, очевидно самке, подмял ту под себя, вцепившись зубами ей в холку, и принялся за исконное для всякого самца дело... Эта парочка так истошно визжала то ли от боли, то ли от наслаждения, что Иудино сердце зачастило от вожделения. Он вспомнил, как в детстве их сосед Рувим, правоверный хасид-кицай, при виде подобной сценки в ужасе закрывал глаза, хватался за филактерию на лбу и, бормоча молитву, вслепую брел по двору, иногда разбивая ненароком голову о дерево или угол дома.

Услышав за спиной чье-то жесткое дыхание, Иуда с печальной улыбкой обернулся и замер: из кулачка хозяйки дома змеиным жалом выскочило тонкое лезвие и уткнулось ему в подбородок, а ещё недавно приятное, даже эффектное лицо Марсальской подурнело от грубой ненависти.

– Слушай меня внимательно, козел продажный. Не вздумай вести эти разговоры с моими пещерниками. У нас тут много осин, и мы с радостью повесим тебя во второй раз. Не перечь, когда я буду всем внушать, что ты – правая рука Князя, явился к нам по моей просьбе, уважив желание его любимой ученицы. Ферштейн?..

По её самоуверенному голосу и уничтожающему взгляду Иуда понял, почему Марсальская спрашивала о наличии у него тайных возможностей – боялась обжечься! А теперь осмелела, убедившись, что гость серьезной опасности не представляет. Её расчетливое коварство возмутило Иуду: он плюнул в бесстыжие насмешливые глаза и, когда она отшатнулась, вlepил такую смачную затрещину, что хозяйка отлетела к трюмо и ударилась затылком о тумбочку. Иуда вырвал у неё нож и отхлестал бесстыдницу по щекам.

– Руку на мужчину поднимать? На своего Адама? Дщерь проклятого Содома! – К его удивлению, Марсальская не стала царапаться или кусаться, а плотно обхватила его ноги кольцом гибких рук, прижалась к нему грудью и сладострастно возопила:

– Наконец-то! Узнаю Иуду! Ах, какая лепота! Бей меня, Иудушка! Лупи, топчи, насилуй! Ну же, родной! Ты наш, наш!

– Я ничей. Запомни, женщина, – Он оттолкнул Марсальскую и досадливо отвернулся. В нём опять заворчалось грубое желание распять Ираиду на полу и овладеть ею со всеми прихотями, как рабыней-набатейкой.

Внизу с грохотом опрокинулся стул. Послышались скрипучие шаги по деревянной лестнице. В напряженной тишине громом прогремел сырой голос атамана Бабуры:

– Ираида Кондратьевна! Товарищ Марсальская! Ты где? Екалэмэнэ! Хочу вина и любви!

Хозяйка особняка стерла с губ кровавую слюнку, чертыхнулась и ловко вскочила на ноги, двигаясь с кошачьей грацией. Быстро поправив волосы у зеркала, Ираида преданно обняла Иуду за шею. Прикусив мочку его уха, она потянула носом и прошептала:

– Я балдею от твоего могильного амбре!

3. Информация пионерчика Геры

Утром, проснувшись, но не поднимая век, напитанных пробивающимся сквозь гардины солнцем, Иуда улыбнулся от мысли, что вот он снова исчислен и взвешен, как люстра или кровать. Понежившись несколько минут, он с неохотой встал, надел свой траурный чёрный костюм, уловив от пролежавшей материи тревожно-приторный запах сосны, и спустился вниз.

Хозяйку он нашел на маленькой веранде, испещренной оливковыми пятнами солнечного света. Марсальская была в бязевом халате, схваченном в талии широким поясом, и в остроносых парчовых домашних туфлях. Она выглядела, несмотря на явную печать ночных грехов (а может, и благодаря им), соблазнительней, чем накануне. Когда, разливая чай, она склонялась над плетеным столиком, за которым играли в шахматы пунцоволицый атаман Бабура и золотушный мальчик в кремовой панамке, Иуда с новым вождением ласкал глазами тугие полушария её плотно обтянутого халатом зада – хотелось шлепнуть по нему всей ладонью, как шлепал когда-то в юности, проходивших в усадьбу, девок-поденщиц.

Атаман Бабура насупился и крякнул в растрепанные усы.

– Доброе утро. Как спалось? – спросил он сипло.

– Отлично. Как и две тысячи лет назад. Там ведь не выспишься... – Иуда ткнул пальцем в распахнутое небо. – Там вся жизнь – сплошной сон, постоянное бодрствование...

Он присел за столик, и Марсальская с многозначительной улыбкой пододвинула к нему фарфоровую чашку с горячим чаем, по запаху напоминавший ливанский кедр. Вдохнув этот чудесный аромат, Иуда радостно засмеялся, но никто причины его смеха не понял. Бабура молча вздернул лохматую бровь, поглядел на мальчика и побежденно поднял руки: сдаюсь, дескать, баста. Лицо атамана цвета обожженной глины, казалось, кто-то долго и злобно мял могучей пятерней, и теперь он с трудом пытался придать ему достойное выражение. На потной шее, рядом с адамовым яблоком, темнела бурая петелька засоса. Бабура вытер выступивший пот верхом казацкой фуражки и покосился на Иуду.

– А сейчас давайте всерьёз познакомимся. Пошутили вчера, и будя. Я крутой материалист. Мой аргумент – инстинкт продолжения рода. Екалэмэнэ! Я вот битый час ломаю голову, каким же транспортом вы добирались до нашего острова? Не на подводной же лодке? Как преодолели блокаду?

– А я-то думала, он шахматами увлечен, играет с Герочкой, – Марсальская фыркнула и беспокойным взглядом напомнила Иуде о своей вчерашней просьбе.

– В натуре, екалэмэнэ! Ведь всякая связь с Центром прервана. Мы нынче вроде восставшей Вандеи. Может, спецрейс, какой? Вы, наверно, тележурналист? Из «Новостей»? Приехали снимать наш праздник?

– Что за праздник? Случайно, не Пасха? – Иуда вежливо улыбнулся.

– Вроде того. Сегодня день рождения Великого Учителя, нашего земляка... Вы в какой партии состоите?

– Я беспартийный. А к вам явился по вызову Ираиды Кондратьевны, любимой ученицы Князя. Собираюсь погостить у вас сорок дней и сорок ночей. А потом вместе с вами опущусь на морское дно.

– Не надо играть со мной в такие игры. Я ведь могу потребовать паспорт, – побагровел атаман, топорща пожелтевшие от никотина усы.

– Вы не правы, Бабура... Он действительно тот самый Иуда Симонов, предавший по каноническим Евангелиям Христа, – неожиданно включился в разговор золотушный мальчик, складывая шахматные фигурки в картонную коробку. – Ему дали задание объявить нам неприятнейшее известие: через сорок дней остров Тотэмос скроется под водой, если мы не покаемся в грехах и не примем истинного Бога. Всё это вполне вероятно, ибо в недрах земли идут вулканические процессы. Остров и так обречён.

На вид странному мальчику было лет семь. Его слишком крупную по сравнению с тщедушным телом голову почти до белесых, еле намеченных бровей, под которыми сахаристо поблескивали зеленоватые леденцы зрачков, прикрывала широкая панамка. Ночным костерком на снегу пылал на белой рубашонке шелковый пионерский галстук – старческими пальцами перебирал мальчик два алых лепестка, и щурил полусонные глазки – то ли от солнечного света, то ли от шелкового блеска пламенеющего галстука. Тонкогубый рот по углам был испачкан чем-то белым, скорее всего, молочной кашей, но казалось – это выступила пена после скоротечного припадка.

Иуда поёжился: куда он попал?

Насладившись общим неловким молчанием (паузу заполняло лишь слюдянистое зудение насекомых), мальчик мазнул по лицу гостя зыбким взглядом и сказал пряным голоском:

– Вы, товарищ Искарриот, не единственный из апостолов, посетивших наш остров. По преданию, первым был Андрей, брат Кифы или Петра, сын Ионы, ученик Предтечи. Правда, остров тогда принадлежал эллинам. Потом скифы прибрали его к рукам. Вместе с верой. Кстати, испортившей их окончательно. Согласно легендам, здесь бывали также Иоанн Богослов, прозванный сыном грома, и проповедавший язычникам апостол Павел, бывший Савл. Но последнее, безусловно, народный вымысел, заявляю это уверенно.

– Ты что же, Гера, всю Библию перечитал? – спросил Бабура, мрачно уставясь на дно пустой чашки, будто гадая на чайной гуще.

– Я думаю связать свою судьбу с перспективной профессией религиозного деятеля. Но у нас религию совершенно неправильно понимают. Даже Великий Учитель...

– Он у меня вундеркинд, – опасливо поспешила перебить Марсальская. Она боялась, что сын сболтнет лишнее. – Сразу в пятый класс приняли. Но и там ему скучно.

Атаман глядел с откровенной неприязнью то на необыкновенного ребёнка, то на гостя.

– Это правда, насчет острова? Или неудачная шутка?

– Там не любят шутить. И обманывают тоже редко. А уж просто так вообще никого и никогда не посылают... Слишком большие расходы! – весело подытожил Иуда и поймал томный взгляд заскучавшей Марсальской.

– Не потому ли Машка сбежала? – задумчиво буркнул атаман. – Тоже ведь во сне бредила каким-то потопом. Ругала тебя Искарriot: мол, надо сматываться, а то всех погубишь...

– Сбежала? Значит, её нет на острове? – Иуда с громким стуком поставил чашку на блюдце, едва не расколов его.

– Мои хлопцы весь город обшарили. Как в воду канула. Но воды она, понятно, тоже боится... Ладно, я опаздываю. Спасибочки.

Он грузно поднялся, нахлобучил на рыжеватую шевелюру красную фуражку с фасонистой тульей и зашуршал яловыми сапожками по сухому гравию. Вскоре и мальчик поплелся во двор – его шажки были бесшумные, скользкие, будто передвигался он по тонкому льду. Иуда смотрел, как шевелятся острые лопатки мальчика под рубашкой, и проникался глухой тревогой... Уж не этот ли вундеркинд-затворник ночью разливался на разные лесные голоса?

Низкий грудной голос Марсальской вывел его из оцепенения:

– Неужели ты собираешься агитировать за всеобщее покаяние в этом костюме? Тебя примут за интеллигента-демократа и сразу прибьют. А мне хочется ещё раз переспать с тобой. Я может, соскучилась по иностранцам!

В чулане она подыскала для Иуды подходящую одежонку среди всякого старья и велела переодеться. Затем принялась гримировать ему лицо. Спустя некоторое время, из круглого зеркальца на Иуду взглянул пожилой нищий-изгой в цыганской шляпе, вызывая не только сочувствие, но и брезгливость.

4. Александр Гайсин и Ирнег Тимс

С Иудой мы разминулись минут на пять. Увидев нас, двух журналистов, явившихся в особняк в поисках самых свежих новостей, похмельных и запыхавшихся, Марсальская рассмеялась.

– То вы рано, то вы поздно. Где же ваш репортерский нюх?

– Неужто получилось? – ахнули мы.

– Да ещё как славно, – она, жмурясь от удовольствия, с хрустом потянулась в кресле.

Мы, разумеется, не поверили, но на всякий случай расстроились: такое важное для нас событие прозевали. Обидно было то, что именно мы весь вечер упрашивали хозяйку дома, которая своей славой медиума и экстрасенса была обязана нам, вызвать из Инферно дух загадочного Иуды, чтобы теснее войти в контакт с героем будущего романа об этом Евангельском персонаже – нашей дерзкой мечты (ничего себе мечта, пожимали плечами ближние, а дальние подозрительно косились и крутили пальцем у виска). Но у Марсальской в тот вечер ничего не получалось, она нервничала и злилась, бесполезно манипулируя гладкой ореховой палочкой с металлическим наконечником. Затем вообще заявила, что ни светлые, ни темные силы не могут терпеть журналистов. А тут пришли новые гости. Хамоватый атаман долго утомлял дифирамбами в честь хозяйки и скифских лошадей, а другие два мрачноватых типа так откровенно тяготились нашим присутствием, что пришлось нехотя ретироваться. Ирнег Тимс подался к своей давней подружке в общежитие моторного завода, а Александр Гайсин отправился домой – к любимой жене Ирине и дочери Кате.

Теперь же видя, как мы огорчились, Марсальская сразу повела нас в дом, открыла небольшой сейф и вытащила портативный магнитофон. (Как тот попал к Ириаде Кондратьевне это отдельная история: подарок губернатора Феропонтова, когда он активно сотрудничал с органами государственной безопасности; однако техника была подарена не для развлечений, а для «работы» с иностранцами. У Залетновой, по слухам, имелся такой же.)

Перед тем как включить воспроизведение магнитофонной записи, Марсальская закурила и, по-козы шуря глаза, сказала:

– Только для вас, мальчики. Надеюсь, не забудете упомянуть меня в своём... шедевре?

Мы, конечно, пообещали и стали жадно слушать всё то, о чём читатель уже знает. Вплоть до интимного разговора хозяйки с гостем в спальне после волнующей музыки вздохов и стонов. Марсальская была без всяких комплексов и даже испытывала повторное наслаждение, бегая возбужденными глазами по нашим прибалдевшим лицам, словно вместе с нами стояла у замочной скважины.

– Э–значит, он яв-вился в-во плоти?! – воскликнул, заикаясь, Гайсин и выхватил из пачки импортную сигарету, хотя никогда не курил.

– А что, имеющий уши не слышит? Тогда пускай увидит. Наш гость отправился на митинг. Если хотите найти его, поторопитесь... Пока он ещё живой.

Мы помчались на площадь Восстания.

Глава 2 «Остров и Островитянин»

5. Тяжёлая участь пророка

Сейчас, когда самое страшное уже позади (впрочем, полной уверенности в этом быть не может), нетрудно представить состояние Иуды в первые дни его пребывания на острове. Не ошибемся, если напишем: чем глубже он проникал в клочущее нутро города, тем сильнее в нем становилось ощущение, что он попал в старый Иерусалим или, скажем, Кесарию Филиппову. С их ползучими римскими тенями, которые призраками бродили повсюду: по угрюмым и помпезным зданиям с лепными гербами на фронтонах и победной мощью колонн, рядом с гигантскими памятниками, под призывами обеспечить мировое господство идей Великого Учителя. А главное, призраки были растворены в самом воздухе острова, и без того насыщенном легковоспламеняющимися парами нетерпимости. Иуда заметил, что в этот маленький Вавилон слетелось из разных провинций страны человеческое воронье на трупный запах той жизни, которую любили и не хотели отдавать во власть реформаторского Центра. Многие языки слились здесь в один – на почве неприятия каких-либо изменений. Казалось, общая ненависть к центральной власти породила горбатые носы с вздернутыми, круглые глаза с узкими, черные волосы с русыми. Этот островок всем своим существованием ещё раз доказывал, что только нежелание (отсутствие) свободы делает людей братьями, ведь только братья по несвободе (свободе) скованы одной цепью, объединены одними камнями.

Примерно к такому выводу пришёл Иуда, внимательно прислушиваясь к разговорам и приглядываясь к этим людям, давно и печально знакомым ему: по множеству явных и тайных мотивов и движений, по суконным словам и каменным кулакам, по специфическому тембру напористых голосов, по некрасивости плебейских лиц с глазами голодных шакалов... Всех черточек межвекового и межплеменного сходства было не счесть.

Когда он, поглубже надвинув на лоб измятую шляпу, стал продираться между тесно сомкнутыми плечами к дощатому помосту, обтянутому кумачом, с которого один за другим выступали охрипшие ораторы, – ему давали дорогу даже с некоторым почтением, без обычной в таких случаях ругани. Затрапезный вид служил Иуде своеобразным пропуском. Едва он взошёл на помост, как к нему стремительно шагнул, отделившись от стайки организаторов митинга, опохмелившийся Бабура, придерживая рукой длинную серебристую шашку на новенькой портупее.

– Вы из какой организации, товарищ?

Поняв, что атаман не узнал его, Иуда обрадовался и ответил изменённым голосом:

– Я из общества глухих, слепых, немых, а также бесноватых и прокаженных.

– Короче, фамилия как?

– Адам Христов я..., – скуксился Иуда.

– Это что – псевдоним? – недобро насторожился атаман.

– Это по отцу. А по матери я Евин-Эдемский.

– Ты, случаем, не полукровка? – Бабура нахмурился и сдвинул ладонью узорную рукоять сабли.

– Многокровка я. Многодушная, двенадцатиколенная, из семейства бессмертников, – Иуда скорчил невинную мину. – Меня хорошо заваривать крутым кипятком соблазна.

– Шутник ты, я погляжу, – успокоился атаман, привычный к затейливым, островитянским речам. – Смотри у меня, без фокусов. Чтоб дышала, так сказать, почва...

– Пустыню я вам обещаю, – буркнул Иуда.

Мы подошли в тот момент, когда Бабура забрал у откричавшегося очередного оратора микрофон и торжественно объявил:

– Слово просит товарищ Христов, от общества инвалидов!

Микрофон показался Иуде головой гремучей змеи. На миг оробевшим взглядом он окинул толпу, готовую, как трясина, поглотить любого, кто обидит её, посмотрел поверх голов на восток, где на хмуром небе скапливались грязноватые тучки, и громко произнес:

– Островитяне! Волею небес я послан к вам, чтобы объявить: близок день гнева Господня! Кто вы на этой земле? Вы неблагодарные гости, возомнившие себя хозяевами во владениях своего господина. Вы – наглые рабы в его винограднике... Убиваете господских сыновей, поклоняетесь мертвым идолам. Всех вас ждёт участь бесплодной лозы, которую Бог отсечёт и спалит в огне. Покайтесь! Ибо через сорок дней ваш Тотэмос погрузится в пучину морскую...

Атаман Бабура подскочил к нему с перекошенным лицом и вырвал из рук микрофон.

– Спокойно, товарищи! Это Иуда Искарот. Не верьте ему! Один раз этот ублюдок уже обманул Христа...

Сквозь обвальный рёв толпы прорвались злобные выкрики:

– ... Долой провокатора из Центра!...

– ... Бей сионистского прихвостня!...

Десятки рук потянулись к ногам бродяги, словно щупальца разбуженного чудовища. Кто-то (похоже, Бабура) столкнул «провокатора» с помоста, и Иуда полетел в жадные объятия толпы. Последнее, что он слышал, – резкий прерывистый свисток постового, будто в небе закричал раненый жаворонок.

Мы проводили Иуду прощальными взглядами, как утопающего – с дальнего берега.

Позже он рассказал, что очнулся в каком-то большом и тряском ящике – за решетчатым оконцем розовели барашковые облака. Рядом цыкал зубом, высасывая остатки пищи, усатый мужчина в форменной фуражке. Машина остановилась, и помятого Иуду, где-то потерявшего цыганскую шляпу, повели в серое здание с четырехгранными колоннами. После тщательного обыска он долго сидел один в маленькой камере на жесткой кушетке. Сильно болел затылок, и только бетонная холодная стена снимала часть этой боли. Лицо пылало, как после атаки иорданских москитов, из разбитого носа текли, попадая в рот, соленые струйки крови. Сглатывая кровь, Иуда не мог не думать о том, что пьёт, по сути, чужую кровь.

Вскоре ему дали возможность умыться: велели смыть грим и хорошенько вытереться – на сером казенном полотенце остались жирные разводы. Припудрив ссадины на щеках, Иуде приказали следовать на второй этаж за щеголеватым сержанчиком... В просторном кабинете едва ли не половину комнаты занимал массивный дубовый стол. В простенке между квадратными окнами, висел портрет человека с такой странной всепроникающей усмешкой, застрявшей подобно занозе в тонких губах и в узких щелочках глаз, что при взгляде на него сразу думалось: если выдернуть эту самую занозу калеными щипцами, то от лица ничего не останется. Через точно схваченную особую усмешку художнику удалось передать самое сокровенное в этом человеке, ибо в размноженных по всему городу (и не только по городу) гипсовых изваяниях, как и в монетной чеканке, пресловутая усмешка пропадала, и угловатое лицо больше не напоминало застывшую маску древнеримского кесаря.

Вдоль стола, заложив руки за спину, сосредоточенно вышагивал худой, сутулый мужчина с облетевшей, как верхушка осеннего тополя, головой, в круглых стариковских очках, делавших его взгляд занудливым, особенно, когда солнечный свет падал на какое-нибудь из стеклышек, и оно серdito вспыхивало.

Это был следователь по особо важным делам Гавриил Павлович Джигурда. Может оттого, что глаза следователя прятались за темноватыми стеклами, а мучнистые обвислые щеки, как говорится, ели одна другую, чуткие губы выдвигались на передний план. Поэтому малейшее

движение души тотчас отражалось именно на них. Сейчас чиновник определенно смахивал на усталую болотную цаплю, которой наконец-то попалась приличная лягушка.

Но вот следователь уронил свое сухое тело в кожаное вращающееся кресло и царапающим взглядом окинул задержанного. Заметно было, что чиновник напряженно пытался справиться со сложными чувствами, среди которых выделялся испуг. Подергав узелок черного галстука, следователь глухо спросил:

– Не кажется ли вам, что мы уже знакомы?

– Нет, не кажется. Впервые вижу вас на этой земле. – Иуда решительно покачал головой.

– Тогда кто вы? Откуда и зачем? Желая услышать чистосердечные признания. – Солнечные блики на стеклах очков потухли.

– За чистоту сердца не ручаюсь: оно не моё. А так я – Иуда, сын Симона из поселка Кериоф-Йарим, служил у Христа, можно сказать, как у бога за пазухой, а потом взял да и повесился. Теперь вот, нахожусь в последней командировке. Через сорок дней, если небесная инструкция не изменится, погибну вместе с вами. И уж это навсегда. Вот и всё... – Иуда попытался улыбнуться распухшими губами.

– Значит, у вас такое же задание, как у Ионы, сына Амафиина, который пытался скрыться от Бога в китовой пасти? – Следователь выдавил из себя механическую улыбку.

– Почти. Только я не знаю, кто меня призвал и от кого мне прятаться.

– Не хотите своих выдавать?

– Своими я ещё не обзавелся.

– Получается, вы вроде небесного зомби? Запрограммированный свыше? Или ниже? Например, в Центре? – Огонек зажженной спички разбросал по стеклышкам очков вертлявых чертиков. Следователь приятельски подмигнул, чтобы не рассмеяться. – Перед свиданием с вами мне пришлось ещё раз заглянуть в Библию.

– Я понимаю так, что на меня уже поступил донос в ваш Синедрион?

– Ночью мне звонил домой некий юноша. У нас это в порядке вещей. Не донос, а гражданская бдительность. Вам ли этого не знать? – Джигурда сделал насыщенную паузу и буквально впился в Иуду взглядом. – Имя Вениамина Кувшинникова ни о чём вам не говорит?

– Нет. Но меня уже принимали за этого человека. Неужели между нами такое сходство? Взглянуть на него можно?

– Разумеется! – Следователь, ловко, будто фокусник из рукава, извлек откуда-то глянцевую фотографию: Иуда сразу узнал своё нынешнее лицо, которое видел в зеркале у Марсальской. Два лица были похожи, как две капли воды. Только выражение глаз на фотографии было иное, более мягкое и обволакивающее.

– А кто он такой? И какое мне до него дело?

– Самое прямое, – Джигурда снял очки и энергично протер глазные впадины костлявыми кулаками. Взгляд стал беспомощным. – Кувшинников был надзирателем областной сектантской организации «Свидетели Иеговы». Несколько дней назад его убили. Ножом под левую лопатку. Нож преступник почему-то оставил в теле. На его рукоятке были вырезаны три шестерки. Есть такой знак и на лезвии. Надеюсь, вы в курсе, что он означает?

– С чего вы взяли? Я не очень силен в математике, хотя и был казначеем, – проворчал Иуда и сгорбился от неприятной догадки.

– Ах, да! Совсем забыл, что, будучи к тому времени в преисподней, вы не могли читать Апокалипсис или Откровение святого Иоанна... Следователь многозначительно ухмыльнулся, выпуская из тонких ноздрей лиловые клубы дыма.

– Это, какого Иоанна? Брата Иакова, сына Зеведея, богатого лодочника и прыгуна? – вскинулся Иуда, пропустив подначку мимо ушей.

– Вы хорошо подготовились, – осклабился Джигурда, аккуратно стряхивая пепел в металлическую пепельницу в форме обыкновенного кукиша, причем сейчас большой палец был направлен в сторону Иуды.

– Неужели этот говорун и выскочка стал святым? Откровение свое сочинил? С ума сойти... Ну и как, интересно? – В голосе Иуды прорвалась давняя, заржавевшая от времени, ревность, некогда переходившая и в ненависть.

– Впечатляет. Между прочим, там есть и такая мысль: знаю, мол, твои дела, ты носишь имя, будто ты жив, но ты мертв. Неплохо сказано, а? – Следователь проверил дымчатые стекла очков на чистоту в луче солнечного света. – А теперь прошу без всякой Библии ответить: где вы были восемнадцатого числа текущего месяца и года, нашей, как говорится, эры, с шести до девяти часов вечера?

– Где я был? – Иуда посмотрел на Джигурду с растерянной улыбкой? – В невесомости болтался. Где же ещё? Во всяком случае, меня в этом теле еще не было.

– Допустим. Тогда откуда у вас этот нож? Мы нашли его при обыске.

Следователь вытащил из ящика стола уже знакомую черную рукоятку, изображающую змея с раздвоенным хвостом, – когда нажал на невидимую кнопку, из раскрытого зева костяного гада выхлестнулось стальное жало. Возле неглубокой канавки на лезвии темнело тавро из трёх шестёрок, выжженных, по всей видимости, каким-то раскаленным острым предметом. Ночью Иуда тавра не заметил. Очевидно, этот нож, который он отнял у хозяйки особняка, так ему понравился, что он машинально (или по старой привычке?) сунул его в карман плаща. А, может, Марсальская подбросила? Но зачем? Кажется, пошли дурацкие фокусы более высокого порядка – теперь они посыплются, как из рога изобилия.

Он честно рассказал про все обстоятельства, связанные с ножом, и спросил:

– Что же всё-таки эти шестерки означают?

– Число зверя, который выходит из земли с двумя рогами, обольщает живущих и убивает всякого, кто не поклоняется его образу. Каково? – Джигурда подслеповато прищурился.

– Узнаю стиль сына Грома. Его бы воля, он всех ненужных людей, вроде меня, давно спалил. И населил землю новыми. Долго возиться он никогда не любил, ему всё сразу подавай. Егошуа часто укорял его за детские фантазии. Но журил как-то ласково...

– Кто этот Егошуа? Судя по всему, Иисус Христос? – Следователь замер с выжидательной полуусмешкой, которая скорее выдавала глубокую растерянность, чем свидетельствовала о неверии или об издевке.

– Он самый. Наш древний язык весьма сложный. Правильней, конечно, произносить: Иешуа, или Иегошуа. А я вот так привык. Мы ведь почти не называли его по имени: – то равви, то раввуни, учитель, одним словом. Я вижу, вы всё ещё не верите...

– Работа такая, – неопределенно вздохнул следователь, хрустя желтоватыми пальцами, и подsunул Иуде ещё одну фотографию.

– А с этим человеком вы не знакомы?

– Но ведь вы уже спрашивали о нём! – удивился Иуда.

– Это Яков, младший брат Вениамина Кувшинникова. Пропал без вести. Недавно мы нашли в лесу обезображенный труп. При нем был паспорт на имя этого Якова. Думаю, грубая инсценировка. Видно, надоело, что все его считают живым. Захотелось побыть мертвым. Но, согласитесь, на вас он тоже поразительно похож. – Следователь медленно поднял ничего не выражавший взгляд.

– Мало ли... На меня половина человечества похожа. Только все стесняются признаться в этом, – усмехнулся Иуда и ещё раз внимательно посмотрел на фотографию. – Сдается мне, что где-то я его видел. Но где?

– Постарайтесь вспомнить, – оживился чиновник. – На улице? В толпе на митинге? У Марсальской в квартире? Это очень важно.

– Если вспомню, скажу. Ещё ведь суток не прошло, как я очутился на острове.

– Согласитесь: трудно поверить в вашу легенду.

– Ну, а в то, что Христос был на земле, тоже трудно? Тоже легенда? Нет, начальник, поверить-то всё равно придется. Подышать вместе с вами я не собираюсь. Так что, в ваших интересах помогать мне, – сказал Иуда и для вескости поиграл желваками на скулах.

– В чём помогать? Выпутаться из этой истории? – Джигурда обескураженно улыбнулся, но выражение его глаз оставалось тревожным.

– История для вас может вообще закончиться, – сердито оборвал следователя Иуда и покосился на блестящее лезвие ножа. Вскользь подумал: почему следователь не убирает нож, а держит так соблазнительно близко? Ведь можно схватить нож и убить, а затем через окно сбежать: решетки здесь жиденькие. Может, так и сделать, пока не упрятали в тюрьму? Мысль о свободе почему-то натолкнула Иуду на вопрос:

– Жена атамана Бабуры, Мария Залетнова, ещё не нашлась?

Следователь спрятал лезвие в утробу костяного змея и бросил нож в ящик стола. Откинувшись на спинку кресла, крутанулся на его скрипучей железной ноге – и недоуменно взглянул на задержанного незнакомца.

– А вам это зачем знать? – Чиновник опять громко захрустел длинными сухими пальцами.

– Дело в том, что она очень похожа на Марию из Магдалы, которую я когда-то любил, – смутился Иуда.

– На Магдалину? Не слишком ли много совпадений? Того, что вы мне сейчас наговорили, достаточно, чтобы вами занялись наши врачи-психиатры. Они у нас большие специалисты по этой части. Но на безумного вы как-то не похожи. Хотя и на здорового – тоже. Вам повезло, что попали ко мне, а не в службу безопасности.

Следователь незаметно нажал на кнопку вызова, вмонтированную в стол. В кабинет скользнул дежурный сержант с большой серебристой тарелкой, накрытой несвежей салфеткой. Поставив тарелку перед Иудой, он сдернул салфетку жестом заправского официанта – в ноздри ударила запашистая волна от жареной картошки и мяса, вызвавшая в пустом желудке Иуды болезненные спазмы. На краю тарелки лежала зелень – к ней Иуда потянулся в первую очередь: нежно погладил, понюхал и попробовал на зубок.

– Это мне? Спасибо, добрый человек. Бывало, я эти горькие травы смачивал во фруктовом взваре с вином и поглощал вместе с пасхальным барашком. Кстати, что это за мясо? Никак не пойму.

– Ешьте–ешьте! – Следователь заерзал в кресле. – Это отличная свининка, юный поросенок, хрю-хрю. Вы её с минеральной водичкой. Пивка, жалко, нет...

– Свинина? – Иуда слегка отшатнулся и понурился, отложил вилку на поднос. – Я её и через пять тысяч лет не стану есть. Спасибо.

– Но почему? Такое сочное молодое мясо. Только что из столовой. Свой обед вам отдаю! – В голосе следователя слышалось раздражение.

– Извини, начальник. Но так меня воспитали. Ибо так заповедал Моисею Господь в пустыне. А значит, и всем сыновьям Израилевым. Вот когда у меня отнимут память, тогда... Видите ли, у некошерной свиньи копыта хоть и раздвоенные, и на копытах разрез глубокий, как у коровы, но свинья не жует жвачку. Потому и нечиста для нас. Как и верблюд, и тушканчик, и заяц.

Джигурда вздохнул с тоскливой судорогой и скомкано перекрестился.

– Вы и меня заставите поверить в вашу миссию.

Зло и резко затрещал на столе телефон. Джигурда покосился на аппарат с пугливым изумлением, словно во всё время разговора был выключен из реальности и лишь теперь включился снова благодаря звонку. Осторожно взял трубку, и лицо его приняло выражение унылой соба-

чьей покорности. Отвечал чиновник односложно и обтекаемо, иногда взглядывая исподлобья на сморенного тяжким испытанием Иуду. Потом с каким-то отвращением бросил трубку на рычажок и суетливо закурил, обволакивая себя фиолетово-сизым смогом. Наглотавшись дыма, вышел из кабинета и минут через семь опять вошёл, чем-то весьма утешённый.

– Что ж, оставайтесь голодным, господин Искарriot. Пойдемте. Нас ждут.

Следователь первым скрылся за дверью, обитой черным дерматином. Иуда последовал за ним в тесный, по-вечернему освещенный коридор с двумя рядами жестких стандартных стульев вдоль стен. На ходу удивился тишине и почти ночному безлюдью, ведь ещё недавно отсюда доносились громкие возгласы и топот сапог. Лишь две молодые женщины с напряженно застывшими лицами сидели под выцветшим плакатом. Иуда скользнул по ним равнодушным взглядом. Но вдруг отметил странность: не только женщины, сидевшие так, словно только что проглотили отраву, но и следователь не спускали с него удивленно расширенных глаз. Иуде стало не по себе: неужели у него действительно такой непотребный вид? И вдруг, сделав ещё несколько шагов, он услышал за спиной, грохот отлетающих стульев и радостно-изумленные вскрики: «Венечка!», «Яша!».

От испуга у него задрожали колени, и опять возникло сильное искушение сбежать. Но было поздно: плачущие женщины мгновенно повисли на нём, как дорожная поклажа на верблюде-дромадере. Они оглушили Иуду счастливыми воплями и поцелуями, тормозили бесцеремонно и щекотно, как резиновую игрушку, – каждая норовила оттащить его на себя, словно последнюю штуку дефицитного товара на прилавке. Чуть погодя возбужденные женщины немного остыли – и с ненавистью взглянули друг на друга. Воспользовавшись заминкой, та, что была помощней, сверкая золотыми зубами, серьгами и кольцами, отпихнула к стене более мягкую заплаканную блондинку и показала той крупный кулак...

– Ты чего на моего мужика рот раззявила?! Очумела?! Ведь только намедни схоронили твоего баптиста. Думаешь, он воскрес, как Лазарь? Не надейся. Это мой Яша – разве не видно по глазам? Ведь так, Яшенька? Скажи этой дуре, чтоб отстала. Ну погулял маленько, пошкодничал, с кем не бывает. А теперь пора к родному очагу, в мои страстные объятия. Кто ж тебя так поцарапал, лапушка?

Но пухлоротая блондиночка в рыжем длиннополом пиджаке в клетку и такой же расцветки юбке не думала сдаваться: она упала на колени, вытянула молитвенно руки и поползла к ногам Иуды по изгвазданному полу.

– Нет, это мой Вениамин! Это он! У твоего Якова не было родинки на шее. Наш Господь, Иегова, совершил великое чудо, слава ему. Что же ты молчишь, Венечка? Муж ты мой дорогой и брат во Христе, ведь это же я, твоя Ксения, верная тебе до гроба! Как же наши деточки обрадуются. Они ведь так соскучились по тебе.

Ошеломлённый Иуда жалко и вопросительно посмотрел на следователя Джигурду. Раздосадованный чиновник сделал кому-то нетерпеливый знак рукой – двое дюжих ребят в синей форме выскочили из глубокой ниши в стенке и принялись энергично успокаивать разгорячённых женщин. А Джигурда ухватил Иуду за локоть и с силой потащил за собой вниз, по гулкой лестнице. На улице чиновник втолкнул его в салон голубого с красными полосами автомобиля, сел сам и, нервно смеясь, откинулся на мягкую спинку сиденья.

– Думал поймать вас на свинине и на святых чувствах. Но расколоть не удалось. Или вы на самом деле тот, за кого себя выдаёте или... гениальный актер-авантюрист.

– Я уже и сам не знаю, кто я такой, – вздохнул Иуда и мысленно обругал тех, кто так жестоко втянул его в эту неприличную затею: разве нельзя было, предугадав последствия, сотворить ему какую-нибудь другую плоть? Хотя бы иное лицо? Так нет: поручили дело каким-то бюрократам, а те в спешке или из соображений экономии вселили его дух в тело недавно погребенного сектанта, который к тому же по фактуре здорово смахивает на него, прошлого Иуду. Но может, это сделано не так случайно?

– А к этой Ксении... у меня что-то шевельнулось, – тихо произнес он вслух, с интересом поглядывая в окно на проплывавшие мимо дома, всё больше – бараки.

– Вы хотите убедить меня, что ваше тело – не ваше?

– Моё было, потяжелей. Да и шерсти побольше... Впрочем, Бог с ним, спасибо и за этот сосуд, – улыбнулся Иуда. – Но вы не ответили мне: что с Марией Залетновой? Бабура к вам обращался за помощью?

– Сегодня утром звякнул. Отметился. В связи с вашим появлением. Разумеется, просигнализировал и в службу безопасности, – ответил Джигурда, изобразив на лице скуку. А Машу я видел в последний раз на другое утро после убийства Вениамина Кувшинникова. Она пришла ко мне домой, чтобы поплакаться. А может, и проститься...

– У вас такие... отношения? – Иуда с неприязнью покосился на плешивую голову чиновника.

– Она моя двоюродная сестра! – Джигурда осуждающе пошевелил бровями, между которыми прорезались глубокие вертикальные складки. – Маша рассказала жутковатую историю. Будто в девятом часу вечера позвонили в двери квартиры. Она посмотрела в дверной глазок – никого. Потом раздался повторный звонок. В соседней квартире тревожно залаяла собака. Маша прильнула к глазку, пригляделась повнимательней и смутно различила какое-то серое облачко или существо-призрак: оно издавало жалобный стон, словно умоляло впустить. Звонки продолжали раздаваться один за другим. Пьяный Бабура хотел открыть, но Маша не разрешила. Она перерезала провода звонка, и всё прекратилось.

– Мистика какая-то, – поморщился Иуда.

Машина затормозила возле громоздкого здания с лепными украшениями, расположенного в глубине ухоженного сада, окружённого металлической оградой.

6. Встреча с губернатором Феррапонтовым

Внутри здания пахло чистыми простынями, свежей ваксой и летучим холодноватым уютom, как и положено пахнуть хорошей спецгостинице. Мы имели счастье бывать здесь по делам газеты, и для нас тоже камертоном первоначального настроения служила матёрая пальма в самом центре вестибюля, широким зонтом раскинувшая свои ржаво-салатовые листья, похожие на перья страуса, который от страха сунул голову в дубовую кадучку с землей и выставил наружу хвостатый зад. От этой пальмы заструилась ласковая волна и в душу Иуды. Повеяло на него жаром полуденной пустыни, терпкой пылью паломнических дорог, ведущих в Иерусалим. Он подошёл к широкой кадучке, схваченной стальным обручем, погладил мохнатую кору ствола, потрогал вялые резиновые листья и улыбнулся следователю, – тот в это время с ершистым видом показывал администратору красную книжицу.

По поглощавшей звук шагов ковровой дорожке они поднялись на этаж выше, в ещё один сверкающий зеркалами коридор, где тоже пахло дальними странами, как на корабле, и очутились в просторной комнате-каюте, яркой от хрусталя и янтарных бликов на шоколадной полировке мебели из палисандрового дерева. Их встретил высокий грузноватый мужчина с лицом одновременно холено-породистым и грубо-солдатским, словно у какого-нибудь центуриона, читающего Катутла между сражениями. Это впечатление усиливал плотно пригнанный песочного цвета френч, выглядевший даже щеголевато в сочетании с бежевыми брюками и лакированными узконосыми туфлями, вкрадчиво поскрипывавшими при каждом шаге.

Сегодня у губернатора острова Тотэмос было хорошее настроение, но на этот раз оно не передалось следователю Джигурде. Он скромно присел вместе с Иудой на пестрый диван возле японского телевизора и стал тоскливо созерцать, как губернатор Феррапонтов с жизнерадостным шумом опускается в глубокое кожаное кресло под застекленным портретом Великого Островитянина. Губернатор из-под припухших век бесцеремонно изучал Иуду. Его мясистые

губы, после гримасы сдержанного изумления, произвели некий выщелк, будто во рту у губернатора лопнули сухие стручки гороха.

– Надо же: ещё один брат Кувшинниковых! Старая задачка, но уже с тремя неизвестными..., – баритон губернатора гудел, напоминая жужжание майского шмеля. Ферапонтов вопросительно посмотрел на следователя, и было заметно, что губернатор заранее знает ответ. – Ну и чего ты из него вытянул?

Джигурда резко поднял вверх костистые плечи и так же резко опустил их.

– Случай, Тимур Иванович, беспрецедентный..., – начал он.

– То есть? – Левая бровь губернатора вскинулась боевым топориком, текучий баритон посуrowел и перешел в крутой басок. – Таких случаев быть не может и не должно.

– Мой разум, конечно, отвечает... Но профессиональная интуиция смущает... Я начинаю верить...

– ...что он сумасшедший? – мгновенно предложил эффектное завершение фразы Ферапонтов.

– Я бы так не сказал. – Джигурда, кисло морщась, почесал мизинцем раздвоенный кончик носа. – Хотя мне и очень хочется, чтобы это было так.

– Что же тебе мешает сделать, чтобы это было так? – Широкая грудь под френчем колыхнулась в беззвучном смешке, но брови вытянулись в одну строгую линию. – Ты меня удивляешь в последнее время, Гавриил. Что с тобой? Где прежние сметка и хватка?

Джигурда взглянул на губернатора как бы через силу, сквозь тусклую пленку испуга и тихой ненависти. Он давно знал этого человека, но ему (как и нам, добавим) редко удавалось понять, когда тот шутит, а когда говорит серьёзно. Шутка и серьёзность срослись у губернатора в одно целое и не могли существовать друг без друга, как сиамские близнецы: когда он шутил, то говорил всерьёз, и наоборот. Поэтому всякий раз, для закрепления доказательства от противного, ему приходилось подмигивать, не столько собеседнику, сколько и, прежде всего, самому себе.

До Иуды тоже дошло, на что намекает губернатор острова, и он затосковал – не от страха за себя (ему ли теперь бояться?), а от мысли, что желанная встреча с Марией Залетновой может не состояться.

– Где твой паспорт?! – внезапно рявкнул на него Ферапонтов. (Обычно он делал это для разминки, чтобы поскорей выбить из себя энергетические пробки и заодно втолкнуть подчиненного в нужную колею.)

– Нет у меня никаких документов. Я нынче гражданин мира, – спокойно ответил Иуда, но улыбку сдержать не смог: за двадцать веков он отвык от начальственной грубости, и сейчас она была ему даже приятна.

– Снова чую гнилой ветерок из продажного Центра, – Ферапонтов демонстративно потянул носом воздух и брезгливо перекошил рот. – А кем же ты раньше был, сучий сын?

– Дитя Эрец-Исраэль. Бедный Иуда из местечка Кериоф-Йарим. Был кормильцем общины Егошуа из Эль-Назирага.

– Да что ты говоришь! Как интересно! И зачем же ты, кериофская морда, предал Галилеянина за тридцать баксов? – От любопытства Ферапонтов выпучил желудевые глаза, налитые сардоническим весельем.

– Брехня это... Иуда чуть стушевался, но решил, что особенно злиться ещё рано: ненависть должна созреть.

– Дураку понятно, что брехня, – неожиданно согласился губернатор и скорчил презрительную гримасу профессионала, знающего что говорит. – Зачем тратиться на тебя, если доказать виновность Иисуса, а тем более схватить его было пустяковым делом для Синедриона и прокураторской охраны? Но какова месть товарищей апостолов! За что же они так тебя невзлюбили?

– Может, и было за что... Значит, вы мне верите? – Иуда с надеждой встрепенулся.

– Ты меня за дурака принимаешь? Если б ты был настоящим Искарриотом, одним из тех крепких иудейских мужиков, восставших против Рима, то явился бы сюда открыто. Со свидетельствами. С высокими печатями. Так, мол, и так, Тимур Иванович, беспорядки у вас, поступили секретные данные, имею по этому поводу особое поручение. Мы бы встретили тебя, как дорогого гостя. Жил бы ты в этом люксе, каждый день ел пасхального барашка с вином местного разлива. И девочки были бы тоже. Встречать мы умеем, как и провожать. Вместе бы решили, что делать, и кто виноват, кого персонально наказать. Но ведь ты пробрался к нам как переодетый лазутчик и смутьян, разбросал по пашне поганые зерна, смоченные в либеральной жиже... – Губернатор пружинисто вскочил из кресла и крупными шагами прострочил комнату, язвительно вскидывая кверху руки. – Покайтесь! Не молитесь мертвым идолам! Ах – ах!.. Да это же типичное словоблудие провокаторов из Центра. Теперь они решили разыграть дешевый спектакль с пришествием Иуды Искарриота. Дескать, другого посланника вы не достойны. Дай-ка мне, Гавриил, тот серебряный огрызок! Эй, пинкертон, чего пригорюнился? Или решил покаяться, пока не поздно?

Следователь вздрогнул, выйдя из минутной заторможенности. Про половинку монеты он успел забыть. После обыска значения ей особого не придавал, решив, что это дешевый трюк для того, чтобы убедить в нелепой легенде, но сейчас вдруг понял свою ошибку: с монеткой явно была связана какая-то тайна, в ней таилось что-то более глубокое, чем он думал. А вот что?

Ферапонтов с пренебрежительной миной повертел полсикля в толстых пальцах (Иуда при этом почувствовал себя неладно: что-то сжалось в груди), подкинул серебро на широкой ладони и поймал со звучным шлепком.

– А денежка-то настоящая. Вот это и странно. Мало того, что эти господа из федеральной службы контрразведки применили старый трюк, они ещё и бездарно испортили драгоценный экземпляр, мечту каждого нумизмата. Я сам в юности увлекался... Встань, придурок! – Губернатор вплотную приблизился к Иуде, почти ткнувшись в него выпуклой грудью. Зацепив хищным шучьим взглядом зрачки арестанта, почти пожевал их, словно две горькие икринки, и спросил:

– С кем ты должен встретиться на нашем острове? Где и когда? Кто твой сообщник? У кого вторая половинка?

– Клянусь, не знаю. Ведь я уже говорил это гражданину следователю, – забормотал Иуда, возмущённый не менее губернатора: наверху совсем охренели, попросту издеваются!

– Разве тебя не учили: никогда не клянись?

– Учили. Но это не моя монета. Мне её подсунули.

– Кто? Первосвященники из Центра? – Ферапонтов насмешливо прищурился и, не выдержав напряжения, озорно подмигнул.

– Если б я знал, – сокрушенно вздохнул Иуда и развел руками.

– Под дурачка работаешь? – Губернатор свистнул, по-мальчишески поджав нижнюю губу.

В дверном проеме смежной комнаты возникла квадратная фигура в алой косоворотке, в черных плисовых шароварах с багровыми символами солнца – на ягодицах и спереди возле паха. Кривоватые ноги вошедшего были обуты в мягкие кожаные ичиги. На угловатом остром лице застыла опасная ленивая безмятежность, словно у каменного истукана или у солдата преторианской гвардии, стоящего на посту возле Антониевой башни.

– Видишь этого доброго молодца? Его зовут Колян. Сейчас он изнасилует тебя, как некогда содомяне – гостей Лота, а потом нежно задушит. Я же объявлю восставшему народу, что казнен его заклятый враг, агент Тель-Авива и господина Президента. Твоя кровь надолго скрепит нас: меня и островитян.

– Это не моя кровь. Я её на время одолжил, – спешно вставил Иуда, косясь на угрюмого парня, чья широкая спина уже застила свет, струившийся сквозь щели между вишневыми шторами.

– Ты это расскажи двум местным литераторам – Александру Гайсину и Ирнегу Тимсу. Они будут в восторге. А мне лапшу на уши не вешай. Кто ещё состоит в твоей диверсионной группе?

Ферапонтов плюхнулся в кресло, освобождая пространство для маневра Коляне.

– Никто. Я один, как перст. Без всякой помощи сверху и снизу, – промямлил Иуда. Он снова, как две тысячи лет тому назад, ощутил вселенский холод одиночества.

По знаку губернатора Коляня сделал несколько рысжих шажков к арестанту, шелестя палаческой рубахой. Затем вдруг тонко вскрикнул, словно наступил на торчавший в паркете гвоздь, и стремительно выбросил вперед ногу, целясь Иуде в лицо. Тот тяжелым мешком отлетел к серванту, свалив две пустые бутылки из-под шампанского.

Следователь Джигурда вскочил с дивана и возмущенно сдернул с носа очки.

– Это противозаконно, Тимур Иванович!

– Чего?! Законник выискался. Кто не с нами, тот против нас. Вот и весь закон, – цыкнул губернатор и опять обратился к Иуде, который медленно поднимался с пола. – Где окопалось ваше масонское гнездо? Только не говори, что на небе...

Тыльной стороной ладони Иуда вытер кровь с разбитых губ, смерил обидчика взглядом и решил потерпеть: чтобы не осложнять обстановку или, что ещё хуже, не проститься с землей раньше срока. А с Коляней он ещё успеет разобраться... Поэтому сказал немного униженным тоном:

– Спросите лучше у Марсальской. Может, она знает?

Ферапонтов опять вскочил с кресла, схватил Иуду за грудки и с силой тряхнул.

– При чем тут Ираида Кондратьевна? Говори, змей!

– А кто мой дух без конца вызывал? Вот в Инферно и подумали, что я буду пользоваться популярностью у вас на острове. И дали мне спецзадание... Будь оно неладно.

– Что за спецзадание? – Челюсть губернатора угрожающе выдвинулась.

– Ну, это... насчет сорока дней, – пробурчал Иуда.

Ферапонтов презрительно оттолкнул арестанта от себя и в сердцах выматерился.

– Все хотят погубить наш остров истинной Свободы. У всех он, как кость в горле. Но Тотэмос не свернет со своей дороги, будет идти своим путем, как заповедал Великий Учитель. Так и передай в шифровке наверх. А Марсальскую не марай, несчастный диверсант! Она дальняя родственница Великого Островитянина. Её корни, как и мои, уходят в толщу веков, в древнюю историю Тотэмоса, и ведут к старшему сыну Адама, который здесь умер и похоронен. По преданию... – Губернатор озабоченно взглянул на свои командирские водонепроницаемые часы. – Твое счастье, что сегодня у нас праздник. А по традиции в этот день мы никого не казним и даже убийцам дарим свободу. Катись ко всем чертям. И больше на глаза мне не попадайся.

Вместе со следователем Джигурдой Иуда покинул гостиницу. На этот раз вид пальмы в центре вестибюля, когда они миновали её библейскую сень, пробудил в Иуде не ностальгические воспоминания, а пустынную жажду.

Только теперь, выйдя за ажурные металлические ворота, Иуда понял, чем с самого начала не понравилось ему здание спецгостиницы. Суровое великолепие каменных линий, розовых колонн и скульптурных приставок в виде ощеренных львиных морд, крылатых херувимов и бородатых божков четко восстановили в памяти один из беломраморных флигелей Иродовой претории, отданных римскому прокуратору на время годовых праздников-торжеств и других важных событий.

7. Праздник Великого Островитянина

До официального праздника в честь дня рождения Великого Островитянина оставалось немного времени, и Джигурда решил показать экзотическому гостю свой родной городок, уютный и крепенький, как выросший в землю гриб, сорвать который можно было только вместе с грибницей. Казалось, что вся деревянно-кирпичная архитектура этого городка, вся его внешняя и внутренняя жизнь, существуют не сами по себе, как у деревьев или птиц, а благодаря другой жизни, возникшей по чьей-то воле на острове, где прошли обычные детство и юность маленького человека с особой кислотной усмешкой, и теперь все были вынуждены дышать его якобы рассеянным в местном воздухе дыханием, а так же думать его думами и ненавидеть его ненавистью – а это, согласитесь, не каждому под силу. Однако и в подобном странном, лихорадочном бытии при желании можно было найти светлые стороны: с острым, почти болезненным любопытством разглядывал Иуда в мемориальном домике, где родился Великий Островитянин, свидетельства, касающиеся мельчайших подробностей его жизни. Не мог оторвать взгляд от удивительного лица его матери на фотографиях под стеклом (её, кстати, звали Марией), жадно выслушивал интереснейшую историю большой семьи, чем-то похожей на ту, что была ему так дорога...

Джигурда показал Иуде необычный памятник, который раньше возвышался на самой большой площади Восстания, но не так давно был перенесен (вместе с прахом одного из сыновей Адама) на городскую окраину. На старом месте возвели пирамиду-гробницу, этакую местную скинию, куда положили набальзамированное тело Великого Островитянина.

Старый памятник теперь находился на пустыре, заросшем татарником и полынью. Росли там и другие травы, которые не успевали скашивать – они вымахивали по пояс в любую засуху, подобно срубленным головам сказочного змея, возмущая своей живучестью работников управления культуры и радуя мелких держателей скотины. Многие пастухи из близлежащих хуторов пригоняли сюда свои стада... Ходили упорные слухи, что быки и бараны после кормежки на пустыре особенно неистово стремились к продолжению своего скотского рода. А кое-кто из народных целителей уверял на страницах местной печати, что пустырь превратился в мощную энергетическую зону: на людей она, дескать, тоже действует, но избирательно – сильные становятся ещё сильнее, а слабые ещё слабее, вплоть до летального исхода. (Авторам этих строк удалось выжить.) То же самое, происходит и по отношению к умственным способностям. (Тут мы не можем сказать ничего определенного – читателю виднее.)

Памятник был незатейлив по исполнению и прост по композиции: из таинственной глубины пустыря выходила на скучную поверхность земли, почти по самое плечо, мускулистая гранитная рука с закатанным рукавом спецовки, показывая ситцевым небесам выразительный кукиш. (Иуда сразу вспомнил пепельницу на столе у Джигурды в кабинете.) Рельефный большой палец, выполненный вполне в реалистическом духе, с особенно удавшимся скульптору давно не стриженным ногтем, был решительно нацелен в дурную бесконечность и служил удобным местом отдыха для пернатых, особенно ворон, поэтому мятежную руку не успевали очищать от птичьего помета. Ветераны острова проводили здесь свои маевки и митинги, тогда пустырь, заполненный людьми, ошетикивался (в моменты всеобщего гнева или дружного одобрения) сотнями фиг, как пехотное каре штыками. Группа старейшин даже обратилась к губернатору острова с предложением позолотить кукиш, – так как после этого будет гигиеничнее целовать его – да и приятней! Криминальному элементу тоже пришлось по сердцу памятник: могучая рука всегда была испещрена всевозможными рисунками, а однажды на ней появились слова, написанные кровью: «Не забуду родного брата». Их долго не могли стереть – и выжгли серной кислотой. (Но раз в году эта надпись мистическим образом бледно проступала на прежнем месте.)

Когда Иуда со следователем прибыли на площадь Восстания, доступ к телу Великого Островитянина был уже прекращен. Огромная очередь, извивавшаяся по площади, подобно туловищу китайского дракона, или египетской анаконды, шумно выражала недовольство, требуя энергетической подпитки после трудовой недели (отметим, что сотрудники газет подпитывались в обязательном порядке). Вслед за нашим хорошим знакомым, следователем Джигурдой (его спутник, хмурый амбал с покаянным лицом и рваным плащом на руке, почему-то остался без нашего внимания), мы тоже предъявили свои красные книжицы, и перед нами бесшумно раздвинулись пуленепробиваемые двери в неглубокое подземелье, залитое фосфоресцирующим гипнотическим светом. По бережкам тихого ручейка последних посетителей недвижно стояли воины с оружием наперевес – нашему герою, как он после признался, они показались витринными манекенами, переодетыми в солдатскую форму. Иуда, однако, заметил, что истуканы все-таки дышат, морщатся от укусов множества насекомых, полюбивших атмосферу гробницы, а главное, следят за каждым движением паломников: когда он сунул свободную руку в карман, ежась от пронизывающего холода, ближайший к нему воин сурово пошевелил бровями, а потом и винтовкой. Сзади сердито зашипел Джигурда. Стеариновый свет маленьких лун, утопленных в гранитном потолке, постепенно сгущался. Все острее чудилось Иуде, что он превращается в некий шелкопряд или мотылек, ползущий к восковой свече с потушенным фитилем, который продолжает чадить, источая деготно-серный запах. Иуда мысленно прошептал: «Прости, Господи, и помилуй!». Ватные ноги механически несли его к стоявшему на подиуме прозрачному саркофагу, где лежала усохшая свеча – восковая кукла в тугом коконе полувоенного френча. Трудно было оторвать от неё взгляд, почти невозможно. То, что через секунду произошло (и чего мы, как ни странно, не заметили), Иуда потом отнесёт на счёт общего наваждения: когда он замешкался в полуметре от саркофага, у него возникло чувство, что за парафиновой маской лица есть некая жизнь, – в то же мгновение левый глаз куклы приоткрылся и подмигнул (как бы в подтверждение этого чувства), именно ему подмигнул, ибо никто этого больше не видел, даже мы, два соавтора, шагавшие рядом со своими героями.

С трудом удалось Иуде убедить себя, что все это ему померещилось. Лишь когда солнце мягко ударило по глазам, он вздохнул с облегчением, ему захотелось нырнуть в какую-нибудь речушку или пруд, чтобы очиститься от близости с мертвым, по обычаю предков. Но в округе ничего подобного не было – одни подземные воды, да и к ним уже подбирались ядовитые стоки с промышленных и военных заводов.

А площадь уже бурлила. У деревянного помоста играл духовой оркестр: листовым железом об асфальт гремели медные тарелки, стучала раскормленным дятлом барабанная колотушка. Отовсюду раздавались песни о родном острове Свободы, о героической борьбе и о крови, пролитой за него. (Тексты ко многим песням написали мы и были весьма довольны: кроме славы, ещё и ежемесячные гонорары из агентства по авторским правам.) Автомобильное движение в центре города было прекращено, и островитяне вливались в акваторию площади из всех боковых улочек-рукавов. У некоторых из митингующих на груди пламенели лоскутки шелковой материи, собранные в форме цветов. Все были нарядные, по-детски счастливые, и так бурно поздравляли друг друга, словно сами сегодня родились. Иуду тоже поздравили с праздником какие-то незнакомые старушки в красных платочках, с гвоздиками в руках, и сунули ему в карман бумажную денежку с кесарским профилем Великого Островитянина (очевидно, приняли за нищего). Он даже рассмеялся. И всерьёз пожалел, что вместе с плевелами могут погибнуть и добрые всходы.

Внимание его привлек ветхий старик с лицом пустынного пророка, лохматый и полубезумный: шаркая разбитыми калошами на истоптанных валенках, старик кружил по площади, разбрасывая по каменным плитам полевые цветы, он выписывал ногами какие-то замысловатые петли, бормотал проклятия и потрясал кулаками перед каменной пирамидой. Потом вдруг

лег плашмя и стал прикладывать к камням то одно, то другое ухо, словно ждал, когда камни возопиют. С губ его слетал лихорадочный шепот: «Потерпите, братья и сестры, теперь уже скоро...». Джигурда шепотом пояснил Иуде, что после войны с соседними каинитами, считавшим, что останки старшего сына Адама по праву принадлежат им (ибо сын этот родом с их острова), на месте площади Восстания находилось кладбище политзаключенных, высланных из Центра за несогласие с идеями Великого Учителя, среди них был и этот старик – один из немногих, кто уцелел. Двое дружинников с красными повязками на рукавах подняли старика с каменных плит и повели к патрульной машине – он не вырывался, но сорванным голосом кричал:

– Пройдет сорок дней, и всякий остров убежит, и гор не станет, и будет снята пятая печать!..

Джигурда быстро взглянул на смущенного Иуду и с улыбкой сказал:

– А вы клялись, что один на острове, без всякой помощи. Теперь от прорицателей отбоя не будет.

Между тем хаотическое движение на площади прекратилось. На обитую кумачом трибуну возле огромного административного здания с колоннами поднялись начальники города и острова. Среди них выделялся губернатор Ферапонтов, такой простой и улыбчивый (как удав из мультфильма), с матерчатым цветком в петлице и клетчатой фуражке-восьмиклинке. Взяв слово, он долго и страстно говорил о бессмертии дела Великого Учителя, о славных традициях народа и о грабительской политике Центра. За Ферапонтовым от имени молодежи острова выступил поэт Олег Серебряников, высокий, широкоплечий парень (позднее мы узнали, что это внебрачный сын атамана Бабуры). Жизнерадостно зачитав написанное на листке приветствие, он закончил стихами, направленными против нынешнего руководителя Центра:

– ...Ты был чекист,
Разведчик был и кананит,
Ты Родине на верность присягал!
Ты ныне пёс цепной!
А охранять посажен – капитал!

Толпа взрывалась время от времени жизнерадостным ревом. Это возвращало Иуду в детство, на ристалище боевых сражений, которое показал ему однажды отец в одну из своих поездок в Иродову Кесарию по торговым делам... Но вот ораторов снова сменил духовой оркестр. Вдоль трибуны двинулись колонны физкультурников с живыми символическими фигурами на вытянутых руках. Потом пошли военные со стрелковым оружием – и тут произошла непредвиденная заминка: солдатики с таким усердием колотили подошвами кованых сапог по выщербленным камням, что одному первогодку почудились сквозь бравурные звуки марша глухие вскрики под бульжниками. Он перепугался, сбился с ноги, в спину ему ткнулись задние, опрокинули его и немного потоптали. Со старым генералом на трибуне сделалось плохо. За солдатами протарахтела военная техника, за ней прокопытила передовая порода скота, выведенная лучшими специалистами острова в сельскохозяйственных спецшарашках.

Неожиданно на площади появилось то, что заставило внутренне содрогнуться не только Иуду: на длинной платформе на колесах, прицепленной к армейскому тягачу, стояла такой же длины железная клетка, а сквозь толстые прутья решетки добродушно пялилась на зрителей лупоглазая чешуйчатая рептилия. Вся площадь от страха затаила дыхание. Послышался детский плач. В клетке, прямо на раздвоенном хвосте чудовища, сидел горбоносый человек средних лет, с бледным лицом и деревянной улыбкой на губах – дрожащей рукой он приветствовал застывших островитян.

– Кто это? – шепотом спросил перепуганный Иуда.

– Это якобы профессор Геймер со своим Титом. Между прочим, в колбе его сотворил. Фантастика! – Джигурда сплюнул в сердцах себе под ноги.

– А почему «якобы»?

– Потому что это не настоящий Роберт Геймер, – туманно процедил сквозь зубы следователь, но пояснять ничего не стал.

– Слава ученым Тотэмаса, передовому отряду всемирного разума! Ура, товарищи! – закричал Феррапонтов с трибуны (хотя особой радости в его голосе не чувствовалось).

Иуда зажмурился и присел от взрыва неестественно-громкого рева, какого-то болезненного и беззащитного. А когда снова открыл глаза и посмотрел на ящера, то столкнулся с его невинным, чуть насмешливым взглядом – Иуде показалось, что чудовище выделило его из всей толпы и персонально ему подмигнуло... (хотя точно такие же чувства испытывал каждый из нас). В те минуты он ещё не мог предположить, что судьбе будет угодно вскоре познакомить его с этим монстром.

В лазоревое небо снова ударили грубые голоса медных труб, и началось театрализованное представление. Сначала, из заросшего сиренью скверика, где стояла позеленевшая скульптура музы Клио, выехал крутоплечий всадник на белой лошади, с упругим луком за спиной; на голове витязя серебрился венец – похоже это сама Победа величественно прогарцевала по площади, поклонилась кумачовой трибуне и скрылась в тесном переулке. Через минуту из того же скверика выскочил усатый всадник на рыжем жеребце, в островерхой шапке с матерчатой звездой и в солдатской гимнастерке – ему неистово захлопали, алчно закричали, предвкушая удовольствие. Иуда не сразу узнал во всаднике атамана Бабуру, наблюдая, как серпоусый казак с жирными румянами на щеках, свесился с седла почти до земли и сумел с первой попытки схватить большой меч, лежавший на низких козлах. Посверкивая на солнце холодным оружием, он с удалым свистом ринулся напрямиком на соломенные чучела длинноносых банкиров в черных смокингах и высоких цилиндрах, толстобрюхих попов и купцов, чопорных царских генералов и нынешних представителей центральной власти. С цирковым изяществом Бабура снес им на всем скаку пустые головы, которые тупо шмякнулись на булыжники под задорную барабанную дробь и восторженные крики. Пока островитяне по-детски ликовали, появился ещё один всадник, но уже на вороном коне: в левой руке он держал картонные весы с картонными гирями, а в правой – золотистый муляж снопа пшеницы, перевязанный бордовой лентой с надписью: «Тебе, Родина, – от острова свободы». За ним двигалась грузовая машина с опущенными бортами кузова, где красовались экспонаты достижений народного хозяйства. Там же, среди пузатых восковых караваев хлеба, тыкв и арбузов, стояла голенастая девочка с розовыми бантами и выпускала из клеток на волю настоящих белоснежных почтарей.

И вот, когда праздничное настроение достигло апогея (народ настроился на волну ещё чего-то большого и полнокровного), небесная лазурь внезапно потемнела, на площадь пали тревожные сумерки, разорванные в клочья ослепительным выхлестом молнии, которая оставила в небе бледный силуэт коня; чуть позже появилась и фигура всадника, покрытого с головы до ног серым саваном. Конь и всадник медленно поплыли над притихшей толпой...

Люди впали в какой-то бредовый полусон, никто из них не мог двинуться с места. Всех охватило предчувствие грядущей беды.

Проплывая над кумачовой трибуной, всадник сбросил с головы покрывало, превратившееся в развевающийся лунный плащ, и опешившая толпа шевельнулась, как одно большое тело, издав вздох ужаса: на бледном коне восседал призрак в образе человеческого скелета и сжимал в костяной лапе длинный прозрачный меч.

Спустя какое-то время видение растворилось над горбатыми силуэтами дальних гор.

Мгновенно посветлело темно-фиалковое небо, сквозь легкую дымку разгоняемую ветром, проступило земляничное солнце – и запели очнувшиеся птицы... То, что произошло, уже показалось большинству островитян отличным трюком, неожиданным сюрпризом организаторов мероприятия. К этому делу, возможно, подключили сильного гипнотизера из Центра. Самые доверчивые (и мы в том числе), придя в себя, зааплодировали и закричали: «Браво!»

Браво!». А уж мы ликовали особенно: какая впечатляющая зарисовка украсит наш праздничный репортаж!

Следователь Джигурда тоже готов был поверить в гениальный трюк, но мешало присутствие рядом Иуды, его замкнутое лицо посвященного. Будто прищельца связывала с всадником-призраком некая таинственная невидимая нить. Обостренным чутьем следователь уловил в сыроватом воздухе весны черемуховое дыхание тлена: оно тянулось газовым шлейфом за растаявшим над горами призраком. Человек из губернаторской свиты, похожий в профиль на знаменитого в прошлом столичного режиссера-авангардиста, энергично жестикулировал худыми руками перед лицом сердитого и немного подавленного губернатора, тыча время от времени пальцем в невозможное небо.

Душу оцепеневших от ужаса горожан отогрела очередная жизнерадостная сценка. Снова бодро грянул духовой оркестр, мажорно зазвучал цирковой туш, и тотчас же из колючего садика выбежал старый дрессированный тигр, на котором восседала – в прозрачных пурпуровых колготках и сиреневой маечке обольстительная наездница с роскошными формами – она размахивала алым стягом с белым профилем Великого Островитянина, и глаза её вдохновенно сияли. Иуда узнал Марсальскую. От неё шли такие мощные волны плотского искушения, что даже у начальников на трибуне замаслились взгляды, а Ферапонтов торопливо закурил и прощающе похлопал носатого режиссера по плечу. Верхом на тигре, недавно списанном с цирковой арены, Марсальская объехала всю площадь под сладострастное урчание фабричных мужиков и вернула зверя взмыленному дрессировщику – тот неотступно следовал сзади с длинным кнутом и заряженным пистолетом за бархатным поясом. К наезднице подбежал Бабура, уже переодевшийся в обычный свой мундир, услужливо накинул ей на плечи легкий плащ и увел в сторону трибун.

В течение часа, на площади расчистили большой круг, установили в центр дубовую плаху, а также несколько металлических жаровен с пылающими углями. Прикатали и бочку вина из местного винограда. Потом притащили двух барашков со связанными ногами, и состоялась их публичная казнь: широколицый рябой мужик, рубщик мяса на городском базаре, ловко перерезал им нежные горла – барашки только дернулись, не успев вскрикнуть. Крепкие ребята в малиновых косоворотках и черных шароварах с символическими изображениями оранжевых солнц на ягодицах подставляли деревянные кружки под червонные струи теплой крови, осушали их с преувеличенной жадностью и размазывали кровь по лицу. Иуда увидел, как из первого ряда зрителей выскочила Марсальская: она наполнила кровью фарфоровую чашку, отпила глоток – и опять растворилась в толпе. За ней тащился, вцепившись ей в руку, Гера, одетый в синий матросский костюмчик и кремевую панамку.

Барашков ловко освежевали, тушки расчленили на аккуратные куски, которые насадили на острые шампуры и возложили на горящие жаровни. Молодое мясо быстро изжарилось, и веселые хлопцы в ярких косоворотках стали аппетитно поглощать его, запивая густым вином цвета венозной крови. В душе Иуды повеяло чем-то далеким, связанным с пасхой и храмом, и сладость нахлынувшей ностальгии растворила отвратительный запах жертвенной крови...

Когда плаху и мясо с вином отдали проголодавшейся толпе (мы тоже причастились на халяву), в середину освобожденного круга вышли семь дюжих парней в косоворотках, уже изрядно вкусивших от союза виноградных лоз и солнца. Их боевой пыл подчеркивали перистые кровавые мазки на лбах и щеках – словно у коренных индейцев, ступивших на тропу войны. Они куражились перед публикой, играли просторными плечами и вызывали добровольцев на бой.

– Ну, островитяны-тараканы, сверчки запечные, кто из вас устоит против скифов?

Все уже заранее знали, что никто. Однако смельчаки всё-таки нашлись. Народ расступился, и в круг шагнули шестеро молодых людей в белых полотняных штанах и рубахах, подпоясанных белыми кушаками. Они сразу приглянулись Иуде: было в их лицах что-то лучистое

и тонкое, как профиль раввуни на фоне утренней зари. Они внушали доверие. Парень с острой русой бородкой обратился к толпе:

– Наш седьмой брат заболел. Найдется ли среди вас человек, готовый постоять за Господа нашего Иисуса Христа?

Из толпы насмешливо крикнули:

– Таких дураков больше нет!..

– Я обычно третьим бываю! И то перед получкой...

– Пускай Христос и будет у вас седьмым...

Толпа реагировала на жалкие острооты бурным смехом. Иуду этот смех покоробил. Он заметил среди малиноворубашечников того самого Коляню, который так ловко ударил его ногой в спецгостинице. Сердце обдало холодом. Вспомнились слова отца: «... да усладит себя честный человек отмщением, да омоет ноги свежей кровью злодеев».

В этот момент мы и увидели, как странный спутник следователя Джигурды бросил на камни замызганный плащ, затем снял дырявый гарусовый свитер, изжеванные брюки, грязные сапоги и остался в серой нижней рубахе, заправленной в старенькое спортивное трико. В таком вот нелепом одеянии вошел Иуда в боевой круг. Александр Гайсин, бравший интервью у надзирателя организации «Свидетели Иеговы» Кувшинникова, в медовый месяц плюрализма, ущипнул себя за нос: неужели информация о гибели сектанта была ложной? Молодой человек с русой бородкой, а это был Радович из общества охраны памятников, частый гость нашей редакции, как-то неуверенно обратился к добровольцу:

– Вениамин? Кувшинников?

Иуда с досадой отмахнулся:

– Не до этого сейчас, брат. Может, меня зовут Тахев: тот, кто возвращается. Давай лучше думать, как вместе наказать этих мадианитян.

Толпа весело заулюлюкала, засвистела, стала подначивать:

– Теперь хана скифам!

Бойцы встали друг против друга. Иуде как новичку объяснили: схватка должна длиться до победного конца, то есть до полной победы одной из команд. В соперники себе он выбрал Коляню, которого мысленно окрестил Доиком Идумеянином (так звали телохранителя у царя Саула). Коляня добродушно ухмыльнулся, будто угадал его мысли, и даже подмигнул с одобрением. Иуда решил, что глазной тик – самая распространенная болезнь на острове.

Парни в белых одеждах повернулись лицом на восток, с хорошим чувством помолились вполголоса и осенили себя чётким крестом. Иуда тихо пробормотал один из псалмов Давида: «Господи, да не восторжествуют надо мной враги мои!». Дюжие хлопцы в праздничных косоворотках поклонились по традиции гранитному памятнику Великого Островитянина, три раза подмигнули ему и стукнулись друг с другом ладонями, как бы заключая важную сделку. В памяти Иуды пронеслась длинная череда мелких потасовок и серьезных драк, сопровождавших всю его короткую жизнь в Палестине; он стал припоминать приемы восточных единоборств, которым учил его дружок детства Махмуд, наполовину перс. Многие уже подзабылось, да и к новому телу надо было ещё привыкнуть.

Пока он сосредотачивался, вспоминая мысленно последовательность движений, Коляня ухитрился ударом правой ноги в голову уложить его на жесткие камни. Толпа одобритительно гикнула, требуя продолжения поединка. Но Коляня не спешил добивать противника – решил, видимо, поиграть с ним, растягивая удовольствие, как сытый кот с мышкой. Не успел Иуда подняться и принять боевую стойку, как опять пропустил удар, теперь уже другой ногой в грудь, и отлетел к Радовичу, который в этот момент тоже плотно приземлился на седалище и, сплевывая кровавую слюну, прохрипел: – Держись, брат, во имя Господне!

Иуда в тон ему ответил: – Умри, душа моя, с филистимлянами!

Он был по-своему счастлив (и мы это видели): вот и захлестнула его долгожданная старинная ненависть! Перед глазами возникло красивое лицо молодого римлянина на Дворцовой площади, воскресло то чувство, с каким он вонзил в грудь противника кривую сику. Под ободряющий смех зрителей он упруго вскочил на полусогнутые ноги и по-свойски подмигнул Коляне. Но тому это не понравилось: он сделал ложный замах левой рукой, чтобы соперник поглубже раскрылся, но Иуда не поддался на эту уловку. За миг до того, как Коляня попытался привести удар пяткой, Иуда припал к земле левым боком, резко перевернулся на спину и крутнулся волчком, опираясь на руки, а ногами с размаха, будто оглоблей, подсек «Идумеянина», стоявшего цаплей на одной ноге после неудачного выпада... Коляня всей массой рухнул навзничь – мы невольно поморщились. В толпе зрителей тупой стук от удара затылком о каменную плиту вызвал унылый ропот. Когда к поверженному врагу подбежали медбратья с носилками, Иуда с ликующим криком: «Меч Господа и Гедеоны!» бросился на выручку парню с пшеничной бородкой – блеск золотых зубов его соперника, мощного бритоголового хлопца, был главным раздражителем: он напомнил другого человека, приятеля отца Махмуда, вспльчивого перса, ударившего в припадке ревности свою жену-иудейку глиняной статуэткой по виску. Иуда с разбега боднул бритоголового головой в живот и, когда тот согнулся от боли, обрушил на его влажный загривок сильнейший удар сцепленных замком рук. Золотозубый хлопец повалился на булыжники подобно кожаному мешку с оливковым жомом.

До следующего аборигена Иуде добраться не удалось: хмельная толпа взвыла от обиды за своих кумиров и с криками: «Бей!..», «Спасай!..» поглотила белорубашечников. Заодно досталось и журналисту Гайсину, лихорадочно щёлкавшему фотоаппаратом. Позже эта пленка с драгоценнейшими кадрами исчезла где-то в недрах службы безопасности Тотемоса и, возможно, до сих пор там хранится.

Глава 3 «Встречи, интриги и предложения»

8. Муж и жена – одна сатана

Дальнейшее, как мы потом узнали от своего героя, он помнил смутно. В памяти остался лишь громкий плач незнакомой женщины, упорно называвшей его чужим именем... Когда перед глазами Иуды замаячили цветные обои, которыми был обклеен потолок, он испугался: уж больно низко висели сиреневые звездочки. А тут ещё повеяло сухой сосной, тем первым ароматом, с которого и началась по-новому для него земля: запахом свежих гробовых досок. Но резкая боль во всем теле успокоила и даже обрадовала: слава Богу, он жив и находится здесь, а не там... Иуда улыбнулся разбитыми губами, и в тот же миг из угла к нему метнулась какая-то женщина с пухлым ртом и скорбными глазами набатейки. От нее приятно пахло сушеными травами и лесом, как когда-то от матери, которую все в поселке считали колдуньей.

– Как ты себя чувствуешь, Венечка? Я уж думала, опять убили, изверги! Не успел воскреснуть... Зачем ты с ними связался, с этими халдеями? На вот, попей отварчику из сосновых шишек с корицей. – Она близко наклонила свое круглое приятное лицо и поднесла к его губам теплую кружку. – Теперь ты узнаешь меня, Вена? Это же я, твоя жена Ксения!

Он вспомнил эту женщину, одну из тех, что сцепились из-за него в неласковом заведении следователя Джигурды. Впрочем, точно ли из-за него был спор?.. Иуда выщедил до дна горьковатый напиток (во рту всё пересохло). Пока пил, разглядывал Ксению исподлобья и мучительно колебался: сказать ли правду сейчас или потом? Почему-то не хотелось этого делать сейчас. Не только потому, что бедная женщина все равно не поверит и, более того, испугается за его рассудок: Иуда поймал себя на странном ощущении, что этой правде сопротивляется сама душа, которая в новом теле начала новую жизнь. Время от времени душа как бы посылала тайные знаки: мол, я на своем месте, мне опять хорошо и спокойно – и не надо дергаться!

– Да, я чувствую, что и ты, и этот дом, и все запахи мне родные. Но в голове пока туман. Не торопи меня, ладно? – высказался Иуда вслух и для убедительности легонько застонал, поглаживая пальцами свои виски, которые и вправду ломило...

– Ладно, ладно, Вена, не волнуйся. Главное, ты опять с нами. Значит, так нужно Господу. Может, поешь? – В глазах Ксении засветилась надежда.

– Неси, милая. Да поскорей. Я голоден, как шакал в пустыне. Только без свинины, пожалуйста.

– Знаю-знаю. Ты и раньше её не любил. Не мог забыть, как вскоре после войны с каинитами соседский хряк сожрал младенца... – Еще пуще обрадованная Ксения скрылась за дверь, по бокам с карниза свисали бледно-желтые, ручной вышивки занавески, схваченные посередине алыми лентами.

Иуда внимательно огляделся. Ему и впрямь показалось, что он уже видел когда-то эти глиняные горшочки с пунцовой геранькой на подоконниках, этот платяной ореховый шкаф с плюшевым медведем наверху, пестрые домотканые коверчики на темно-бурых половицах и соломенную циновку у входа, эти старинные настенные часы с кукушкой – оказывается, они отсчитывают само время! В отличие от угрюмой обстановки особняка Марсальской, здесь каждая вещь умиротворяла и возвышала душу, не выставляя себя напоказ. Мучительно повеяло детством.

Из кухни вернулась Ксения с глубокой расписной миской – в ней пахуче дымилась какая-то бордовая густая жидкость с белыми разводами на поверхности. Она подложила Иуде под спину большую подушку и стала кормить его с деревянной расписной ложки. Но он запроте-

ставал и решил, есть сам. Она сидела рядом и счастливыми глазами сопровождала каждое его движение.

– Как борщ? Ты ведь был охоч до него. Со сметанкой! С красным перчиком! И мясо твое любимое – баранина. Вчера готовила и плакала, тебя вспоминала. Хвала Иегове, услышал мои молитвы.

– Ты молилась Яхве, чтобы я вернулся? – Иуда чмокал разбитыми губами и жмурился от удовольствия.

– Я просила его соединить нас на том свете, а он опять соединил на этом. Ты рад, мой любимый?

– Ужасно рад! Ты мне нравишься, – сказал Иуда, набивая рот сочным разваренным мясом. От голода он проглатывал нежные куски, почти не пережевывая. Когда Ксения нечаянно коснулась плотной ягодицей его колена, Иуда перестал на время жевать. Взгляд его скользнул по её груди и бедрам: их нерастраченные формы легко угадывались под тесным кримпленовым платьем. Он «со значением» весёлым тоном похвалил это платье, сказав, что с ним у него связаны некие приятные моменты – и попал в точку: Ксения прослезилась от радости.

– Я была в нем, когда мы впервые с тобой познакомились. Это было в день годовщины смерти Иисуса, в старом доме у Веберов. Помнишь? Я тогда приняла святое водное крещение, и ты на сходке меня поздравил, поцеловал в щеку. Ты уже был проповедником, старшим мужчиной в организации, и с тех пор начал сниться мне. С трепетом ждала я каждого собрания. Надевала только это платье. А вот сегодня еле влезла в него.

– Жаль, поясницу ломит. А то бы я попросил тебя снова вылезти из него.

– Иуда вожделенно вздохнул и погладил веснушчатую руку Ксении выше локтя. – Тогда бы точно всё вспомнил.

Ксения с подчеркнутым испугом вскинула белесые бровки, наморщила молочный лобик, но щеки все же расцвели, запылали крупными маками, светлые реснички затрепыхались, а в глазах и в жестах промелькнуло подзабытое кокетство.

– Побойся Бога, Вена. Тебе же не восемнадцать лет. Скоро дети вернутся из школы. Экий ты ненасытный у меня! Вот оклемаешься маленько, тогда допущу... – В её стеснительной улыбке прочитывалось многое, и он еле справился с горячо охватившим желанием.

Чтобы не провоцировать в себе ненужные сейчас и поспешные чувства, а у вдовы – лишние расспросы, которые болезненны для обоих, а главное, боясь встречи с детьми, Иуда смежил веки и устало произнес:

– Спасибо, дорогая, борщ был великолепный. Даже кишки начинают вспоминать своё, родное. Но сейчас бы я соснул немного. А то опять с головой не в порядке. Да и откуда ему быть, порядку, если за один день я успел столько раз получить по морде?

– Вздремни, солнышко. Ты даже огрубел после этих побоев, стал похож на своего младшего братца Якова – те же шуточки... Отдыхай! – Она поцеловала его в лоб и прикрыла подбородок верблюжьим одеялом.

Спать он на самом деле не собирался. Но, убаюканный мягким стуком настенных часов, незаметно уснул и очнулся уже в полночь. В комнате было темно и тихо. Только часы долбили тишину тонкой стамесочкой, словно хотели кого-то выпустить наружу. В верхней части окна, сквозь траурную рамку открытой форточки, виднелась круглая луна – всё та же, что мерцала и в иерусалимском небе в тот бесконечно далекий четверг перед Пасхой... Он никогда не понимал странной любви Егошуа к луне, на которую тот мог смотреть всю ночь: что испытывала в эти минуты его загадочная душа? В Иуде же луна вызывала одно тоскливое томление духа, как у овцы перед закланием, – а всё это началось с тех пор, как её восковой свет навеки застыл в мраморных зрачках мертвого отца. Глядя сейчас в такое же пустое лицо луны, Иуда вдруг почувствовал, что не один в комнате. Он замер и вцепился потными пальцами в обивку дивана.

Обшарив глазами текучий сумрак, ничего подозрительного не обнаружил. Однако неприятное чувство, что за ним наблюдают, не проходило и даже усиливалось. Он взглянул вверх и прищурился: прямо над его головой повисло зыбкое облачко. Он долго смотрел на еле заметный сгусток и мысленно спросил: «Ты кто?» – хотя уже догадывался, кто это. Облачко по-прежнему висело на месте – в его лиловой глубине лишь произошло беглое перемещение прозрачных волокон. Иуда понял, что призрак, пытаясь изъясниться, посылает вместо голоса волновые импульсы, но ещё не умеет пробить их сквозь человеческую оболочку, будучи астральным телом, без необходимого для этого опыта. Иуда решил помочь – страшно захотелось поболтать с собратом.

Вспомнив обстоятельства своего первого удачного выхода из нового тела (в кровати у Марсальской), он резким усилием воли сконцентрировался в некое подобие шаровой молнии, отскреб себя от теплых стенок телесного колодца, как готовую лепешку отдирают от каленой глины. И его мягко вытолкнуло из тела наверх, будто поплавок со дна речной воронки. Зависнув между потолком и диваном, он убедился, что в очертаниях облачка уже произошла трансформация: просматривалось знакомое обличье Вениамина Кувшинникова. Хотя весь облик то и дело расплывался, дробился, чтобы собраться вновь в серебристый пучок, наподобие отражения света в вечерней воде, тронутой рябью.

После короткого взаимного осмотра, оба призрака одновременно взглянули вниз, на оставленное обоими тело: оно почти недвижно покоилось на диване, только дышало широкой грудью, да время от времени отмахивалось рукой от неуловимого комара. Тело само по себе ещё страдало от ушибов, от расстройства желудка после обильной пищи, но эти двое уже не чувствовали его страданий: они плавали в чудесном эфире безмятежности, испытывая ощущение слитности с невидимым миром, чувство легкости, идущее от детских снов, от ребячьих ночных полетов над поверхностью грубой жизни...

Иуда уже знал, дух Вениамина проходит сейчас подготовительную стадию, ожидает решения с другими умершими, вместе с убийцами и прелюбодеями, привыкает в течение отведенного каждому срока к иному состоянию, прощается с дорогими местами любви и преступлений. Этой болезненной отрыжкой выжигается последний земной мусор, потом начнется период привыкания к ложной безответственности и к комфортабельному забвению, новое астральное тело по-детски купается в эфирном блаженстве, будучи уверено, что удачно проскочило через сортировочную машину – но заблуждаться ему недолго, как и людям на земле.

– Здравствуйте, Вениамин Михайлович! – поприветствовал Иуда новичка с насмешливой любезностью.

– Здравствуйте, – ответили ему. – А вы кто?

– Вам разве не объяснили? Эти бюрократы могли и забыть. Я – Иуда Симонов. Тот самый...

Он рассказал о цели своего визита на остров Тотэмос, а про себя отметил, что Вениамин смотрит на него с потешным ужасом и любопытством – Веня был ещё связан тайной пуповиной с этими конкретными переживаниями, которые уже не разрушали нервные клетки, а даже доставляли определенное удовольствие. Душа резвилась, продолжая по инерции играть в земные заботы по старым правилам: так же реально чувствует человек давно отрезанную ногу.

– ... Через сорок дней? – испугался Вениамин. – А как же дети? Они-то в чем виноваты? – Застеснявшись нелепости вопроса, он кротко улыбнулся. – Как они, кстати?

– Ваши дети? Я ещё не видел их. А вы, гляжу, тоскуете?

Кувшинников огорченно вздохнул.

– На земле я страстно мечтал о небе, как перелетная птица – о заморских странах. А теперь чего-то жаль... Чего-то не хватает!

– Это пройдет. Должно пройти. Это остатки былой гордыни. От вас что-то зависело. А сейчас вы никто. Меня, например, это долго угнетало, – пояснил Иуда с видом небесного старожилы, проникаясь симпатией к хозяину тела.

– А почему именно вам, простите, поручили это задание? – спросил Вениамин с заметной обидой.

– Начинается! Не успеют из яйца вылупиться, как уже чем-то недовольны, уже бунтуют, – шутливо проворчал Иуда, вспомнив, что когда-то и сам был таким. – Запомните, Вениамин: проклятые вопросы задаются только на земле. А здесь всякие свобода и анархия прекращаются, здесь царят логика и порядок. Избавляйтесь от скифских привычек. Будете совать свой нос во всякие секреты – сошлют вас куда-нибудь, скажем, в Египет, каким-нибудь евнухом – по капле выдавливать из себя грешного человека.

– Вам не нравится, что вы стали Кувшинниковым? – улыбнулся Вениамин.

– А кто такой Кувшинников? Не знаю такого. Я пока остаюсь Иудой из Кериофа. Из прелестного местечка, разрушенного на моих глазах язычниками, вроде тех, что живут на этом острове. Меня ведь тем и наказали, что сохранили земную память. А загробную почти всю стерли. Но я не в обиде. Ибо – Тайна! Если окончательно не испорчусь и не опозорю ваше славное тело... – Тут он позволил себе тонко усмехнуться... – То меня и от первой памяти избавят. И вас тоже в своё время. Это и будет рай. То, чего мы так хотели на земле...

– Мне кажется, вы и впрямь не любили Иисуса Христа. Евангелисты были правы, – тихо заключил Кувшинников.

– Давай не будем об этом. Уже тошнит! – рассердился Иуда. И потратил на гнев столько энергии, что покинутое тело едва не всосало его назад, в свою пещеру. – После смерти равви каждый щенок, вроде известного вам Марка, сына богатой Марии из Ершалаима, полез в мир со своим Евангелием.

– Вы имеете в виду святого Марка? Того юношу, что нагим убежал из Гефсиманского сада, оставив в руках воинов покрывало?

– Я там не был, не знаю. Но слышал, что он первым разнес сплетню, будто я привёл в сад стражников Каиафы. Молокосос! Вечно бегал за нами, как хвостик. Имя себе римское взял: Марк. Герой! Славой он бредил, завидовал знаменитостям и очень хотел, чтобы Егошуа стал земным царем. Видно, потом поумнел. Один Кифа был нормальным мужиком. Но тугодумом. Насколько же велик был раввунни: даже из такого человеческого теста сотворял святых. Разве не чудо?

– У меня к вам просьба: не обижайте моих детей. Ведь им и так больно. Они очень любят меня. И я их. Не хочу оставлять о себе плохую память.

– Какую я о себе оставил? Обижаете! Впрочем, теперь не докажешь... Ну, а с Ксенией что будем делать? Она тоже без вас жить не может. Без ваших ненасытных ласк. Мне-то какво?

– Понимаю... Я к ней хорошо относился. Но никогда не любил. Она так и осталась моей сестрой по вере, доброй женщиной.

– А Мария Залетнова, жена атамана Бабуры?

– Вы уже и о ней знаете? А может, даже встречались? – Кувшинников так неприлично забеспокоился, что, теряя форму, чуть не расплылся и едва не прилип к потолку.

– Она куда-то исчезла, – буркнул Иуда. Он понял, что зря затеял этот разговор: теперь Вениамин так изведется, что может не понравиться Комиссии. Таких беспокойных, как правило, отсылают опять на землю, для исправления, где они становятся обычными привидениями, призраками или домовыми, а иных, к примеру, спившихся лицедеёв, используют на ролях двойников великих людей, дух которых без конца вызывают всякие маги и волшебники. Иуда своих дублеров не любил и не признавал, хотя сам редко отвечал на оккультные вызовы.

– Я тоже везде ищу Марию. Бабура каждую ночь спит с разными шлюхами. У бабушки в деревне её нет. Ума не приложу...

– А среди ваших, среди новичков, она не значится? Не проверяли?

– Нет. Чую, жива она и где-то скрывается. Но где?

– Скажите, Вениамин: вы знаете, кто вас убил? – спросил вдруг Иуда, уверенный, что Кувшинников назовет имя убийцы.

– Знаю. И даже видел его лицо. Совсем еще мальчик. Но он жертва, безумное орудие в руках настоящего злодея. Впрочем, это уже не имеет значения.

– Зря вы так. Я ведь тоже так думал: плевать, мол, на всякие сплетни обо мне. На небе, дескать, знают правду. Но эти сплетни бросили такую тень на весь мой народ, что меня теперь считают виновником почти всех его несчастий... – Иуда замолчал, заметив, что в запале обиды он потерял часть благодатной энергии.

– Вы сказали, что на ваших глазах разрушили Кериоф. Вы разве могли это видеть? Ведь это случилось гораздо позднее.

– Меня так второй раз наказали. Из одной тьмы в другую. Наверное, вы слышали про Иудейскую войну? Кошмар! Все поля моей родины были завалены трупами. Вонь стояла невыносимая. Вместе со мной кружили над Иудеей сотни грешных душ. Мы страдали от бессилия – и не могли помочь! Страшная вещь: глядеть, как льется кровь соплеменников со стороны. А главное, догадываться, что все это – божественная комедия...

– Да, в ваших словах есть какая-то обидная правда, – еле слышно произнес Кувшинников.

Тут в комнату вошла, крадучись, Ксения в легком крепдешиновом капоре и в тапках с шарами из заячьего меха. Она замерла около дивана и пытливо созерцала покрытое ссадинами лицо мужа.

Иуда не удержался от шутки:

– Может, облачишься на время в старые доспехи и утетишь бедную вдову? Я отвернусь или побуду в скверике.

– Веселый ты человек, Иуда. Я, честно говоря, не против. Но, во-первых, мне категорически запрещено, ты же знаешь. А, во-вторых, боюсь, что обратно могут меня не впустить в свое тело, – улыбнулся печально Кувшинников.

Ксения встала на колени и, обратив бледное лицо к луне, горячечно зашептала:

– Господи Иисусе, я верю, что ночью на тайной вечере, после того, как ты омыл ноги своим ученикам, ты своими святейшими руками взял хлеб и благословил его, и преломил, и дал своим апостолам, говоря: примите и едите, ибо это есть тело моё; потом ты взял кубок в наичистейшие руки свои и, отведав из кубка, передал его им, говоря: примите и пейте, ибо здесь кровь моя Нового Завета, изливаемая за многих во оставление грехов, и всякий раз, как это будете творить, творите в мое воспоминание. Молю тебя, Господи Иисусе Христе, дабы через эти святейшие слова, через заслуги твоих учеников, кроме Иуды Искариота, и во имя твоего великого подвига исцелена была эта рана в голове раба твоего Вениамина, возвращена ему прежняя память и любовь...

Два облачка-призрака, зависшие под самым потолком, вполне дружески улыбнулись, распрощались и договорились еще раз встретиться. Кувшинников, призрачной змейкой вытек в открытую форточку, а Иуда шмыгнул через ноздри в заскучавшее тело, как искра в керосиновую лампу – и сделал вид будто только что проснулся от нацеленного на него взгляда Ксении.

9. Дела и слухи

Она по-матерински поцеловала Иуду в лоб.

– Как самочувствие, солнышко? – спросила Ксения робко.

– Уже лучше. – Иуда натурально зевнул и дотронулся подушечками пальцев до её мягкого бедра. – Но если б ты легла рядом и приласкала...

– О, Господи, Вена, у тебя одно на уме, просто как у братца твоего. Прямо бес в ребро, – она пристыдила его с наигранным отчаянием, зато зарделась вполне искренне: было видно, что слова мужа ей по нраву. Сидя на краешке дивана, она крепко сдавливала руку Иуды в своих влажных ладонях. – Ребятишки чутко спят. Они как увидели тебя вечером, так запрыгали от радости. Долго не могли уснуть. Ты уж, ради Бога, напрягись, постарайся их вспомнить или хотя бы сделать вид. Я сказала им, что ты тяжело болел и перенес сложную операцию.

– Послушай, Ксения, а вдруг... – Иуда освободил руку и постучал ногтем по её обнаженной глянцево́й коленке.

– Господи, как приятно, когда ты произносишь моё имя! – Горячими шершавыми губами она несколько раз ткнулась в его небритые щеки. – Фу, колючка какой! Ты раньше по два раза в день брился, чтобы меня не оцарапать.

– Я хочу сказать: а вдруг окажется, что тело моё принадлежит твоему мужу, а всё остальное...

– Знаю-знаю. Следователь Джигурда мне намекал. Боялся, что я в обморок упаду. А я нисколько не испугалась: ты ведь сам часто казнил, называл себя настоящим Иудой – предал, мол, своего учителя, старика Вебера, бывшего нашего надзирателя, царство ему небесное. Говорил: нет, де, мне прощения ни на этом, ни на том свете.

– Но ведь я действительно Иуда из Кериофа, сын Симона, казначей и ученик Егошуа из Эль-Назирага. Мой дух внедрили в тело покойного Вениамина. Это свинство, конечно...

– Перестань, дорогой. Совсем не остроумно. И не смешно. Меня такими залетами не удивишь. Вспомни, где я работаю: в психбольнице, сестрой милосердия. Там я насмотрелась разных Пилатов и Авессаломов. Может, тебе немного подлечиться у нас? За лекарствами сама буду следить, а то ведь...

– Нет уж, спасибо! – уязвлено фыркнул Иуда, начиная терять терпение. Посудите сами, Ксения: как бы мог ваш муж так легко выбраться из могилы...

– Мы уже на «вы»? – Она положила руки ему на плечи и заглянула в глаза. – Не мучь ты себя, Вена. И меня тоже. Вебер сам во многом виноват. Он всех нас невольно подставил под удар. Если тебя Господь оживил столь чудесным образом – значит, простил. Радуйся! Ты теперь у нас вроде святого. А за святость надо платить.

Иуда бросил на неё непонимающий взгляд – и едва не рассмеялся.

– Ладно, замнем... Но ты мне дай хотя бы взглянуть на этот Новый Завет. Чего там насочиняли мои друзья-апостолы?

– Окстись, Вениамин! Эта книга богодухновенна. Не могли её написать прстые рыбаки и мытари. – Лицо Ксении ожесточилось от священного испуга.

Теперь уже Иуда взглянул на неё с пристальным интересом и хмыкнул.

– Может быть. Но ты всё равно дай почитать. Вдруг что и прояснится.

Она принесла небольшой томик в потертom бархатном переплете, включила настольную лампу у изголовья постели и, сухо пожелав спокойной ночи, ушла в комнату к детям. Иуда заметил, что глаза её туманились от подступивших слез... Узкая спина чуть сторбилась, лопатки заострились. Стало жалко эту милую женщину – и неловко за себя. Страшно волнуясь, он раскрыл книгу, вдохнул особый, волнующий запах пожелтевших страниц и углубился в чтение.

Вряд ли найдутся слова, чтобы передать всю сложность нахлынувших на Иуду переживаний. Раза два всплакнув растроганным воспоминаниями, он иногда весело смеялся над явным вымыслом или преувеличением, но чаще одобрительно цокал языком, дивясь преображающей силе печатного слова. В наиболее острые моменты повествования Иуда вскакивал с дивана и возбужденно челночил по скрипучим половицам, взъерошивая дрожащими пальцами волосы на затылке. Один раз даже выругался матом и заметил, что испытал определенное облегчение. Теперь он глубже понимал островитян, которые матерились на каждом шагу.

Наверное, нет нужды описывать, что чувствовала Ксения, лежавшая в соседней комнате, слушая, как он шарахается и ругается: всю ночь не сомкнула глаз и горько плакала в подушку. Были минуты, когда ей всерьёз верилось, что в тело Вениамина вселился дух его брата Якова, а может, и похуже – дух изменника Искарриота, тогда ей хотелось схватить детей и бежать из собственного дома.

А бедный Иуда, измученный видениями, посылаемыми беспощадной памятью, успокоился лишь под утро. Но и во сне он громко матерился, когда ему в кошмаре чудилось: какой-то юноша в хитоне, с расплывчатым лицом, заносит нож над его изогнутой спиной, целясь точно под левую лопатку, а Иуда, едва успевает перехватить его костлявую руку, где на запястье синее татуировка из трех шестерок...

Многое приснилось ему за какой-то час. А перед пробуждением сон с покусением обрёл новые черты: некто в стеклянной маске пытался задушить Иуду, и тому пришлось стукнуть злодея в физиономию. Тотчас раздался крик, и Иуда увидел следователя Джигурду: ползающим на коленях возле дивана, держась одной рукой за покрасневшую челюсть, а другой, шаря по половицам в поисках слетевших с носа очков.

– Вы с ума сошли! Я, между прочим, при исполнении и могу вас привлечь, – воскликнул гневно чиновник, вставая с четверенек.

– Извините, гражданин начальник, – испугался Иуда.

Он не сразу понял, что Джигурда пытался разбудить его, тормоша за плечо.

– Кстати, а откуда вы наш язык знаете? – прищурился следователь, протирая платком круглые стекла очков.

– Там – всему научат, – усмехнулся Иуда, кивнув на потолок.

Из кухни явилась Ксения, робкая и увядшая за ночь, в длинной плиссированной юбке и шелковой кофточке. Перевела подавленный взгляд с Иуды на следователя и сказала:

– Вы бы позавтракали. Я приготовила рыбу, она на столе. Чайку хоть попейте.

Когда она вышла, Джигурда проворчал:

– На небе кашу заварят, а на земле её расхлебывают.

Во время чаепития следователь рассказал по порядку обо всем, что произошло за последнее время. По ходу рассказа объяснил, что старинные кулачные бои (село на село, улица на улицу), издавна в грубых формах процветавшие на острове, постепенно обрели более глубокое символическое содержание: к ним стали готовиться основательно, как к международным соревнованиям. Кулак становился не просто средством самозащиты, а идеологическим оружием, материальным знаком внутреннего противодействия року и доказательством здорового образа жизни. Ферапонтов во всём любил эпохальные подходы и смыслы. Когда наступила безобразная развязка кучного боя на площади Восстания, Джигурда вместе с вынырнувшей из толпы Кувшинниковой сумели пробиться к Иуде, облепленному аборигенами, как оводами, погрузили его в патрульную машину и отвезли на квартиру вдовы. Джигурда резонно решил, что у неё дома экзотическому гостю будет безопаснее, чем в тюрьме, куда губернатор приказал его доставить. Ферапонтову следователь сказал, что «библейский посланник» сбежал по дороге, едва не придушив шофера, отца троих детей. Возмущенный губернатор велел немедленно произвести эксгумацию трупа сектанта Кувшинникова, чтобы покончить с всякими легендами и убедиться в простой истине: покойники не оживают. «Подобное ещё надо заслужить. А это кто такой?» – без околичностей выразился губернатор.

Заметим, что Александру Гайсину удалось побывать на кладбище, и он рассказал следующее. Полупьяные рабочие быстро раскопали свежую могилу и вытащили при помощи веревок большой красивый гроб. Когда же подняли крышку, все в ужасе разбежались: из гроба восстал слегка посиневший старик Зозуля, известный в городе бомж, и очумело заморгал похмельными глазами. В изножье у него лежала пустая бутылка из-под «Полынной водки». Зозуля, запинаясь, поведал собравшимся, что водку честно заработал в продмаге, помогая сгружать

всенародный товар. Уединившись на кладбище, своём любимом месте отдыха, выпил спиртное в приятном одиночестве, недалеко от небрежно раскопанной (будто взорванной изнутри, как он выразился) могильной ямы, на дне которой обнаружил открытый гроб. Наклонившись над могилой в порыве любопытства, он потерял равновесие и ухнул прямо в зияющую деревянную пасть. Вылезти наверх Зозуля, разумеется, сам не смог и решил соснуть в уютной домовине, а чтобы не было холодно, накрылся сверху тяжелой крышкой. На рассвете директор кладбища по фамилии Мясоед, обходя свои невеселые владения, наткнулся на нечто странное: на дне разъятой могилы темнел гроб, обшитый бархатно-алой материей, а в изголовье могильной ямы стоял новенький металлический памятник с круглой фотографией цветущего молодого человека по фамилии Кувшинников. Будучи человеком неверующим, Мясоед, тем не менее, сильно испугался, бросился в контору и лишь там немного отдышался. Наверняка, подумал он, тут орудовала шайка грабителей – уже третий случай за квартал. Но в следственные органы сообщать ничего не стал, в силу стойкого убеждения, что деловому человеку лучше не иметь с ними никаких дел, особенно касавшихся мёртвых. Поэтому, даже не убедившись, что в гробу именно тот мертвец, который числился по документам, он приказал перепуганному сторожу опять засыпать могилу и хоть этим компенсировать свой огрех. Так что, если бы не эксгумация, несчастный Зозуля никогда бы не опохмелился, а Мясоед по-прежнему бы директорствовал и брал взятки за лучшее место под землей. (Спустя несколько дней появилась наша разгромная статья об этом.)

Огонек народной молвы потихоньку разгорался: утром на заправочной станции Джигурда уже слышал, как один шофер-перегонщик излагал другому свою версию событий – будто местные сектанты откопали ночью своего покойного руководителя, воскресили его, используя колдовские приемы, а на его место закопали живого бомжа в качестве необходимой жертвы Иегове. Теперь, рассказал шофер, воскресший пресвитер обладает, дескать, чудодейственной силой – может убивать и лечить одним взглядом на расстоянии. По другой народной версии, кладбищенские грабители вскрыли могилу, привлеченные слухами о золотой челюсти покойника, а тот, когда они стали проверять его зубы железными щипцами, взял да и закричал от боли, выйдя из летаргического сна; грабители в панике разбежались, но один старичок упал от страха в яму, и разбуженный сектант на радостях похоронил его вместо себя по закону Иеговы: зуб за зуб...

Все версии сходились в одном: наконец-то на острове произошло какое-то достойное событие, настоящее чудо, расцветившее серые будни, – и это, мол, тоже не к добру, того и гляди случится неурожай или эпидемия заморского гриппа. Со своей стороны губернатор Тотэмаса отвергал саму возможность пустых чудес, не связанных с благодеянием острова, и приказал, во что бы то ни стало, разыскать беглого покойника, уже якобы натворившего немало скверных дел.

– Так что, собирайтесь. Терять из-за вас работу я не намерен. Но прежде приведите себя в порядок, – заключил Джигурда.

Когда Иуда, приняв душ, освободился от щетины при помощи электробритвы и переоделся в светло-голубой костюм Вениамина, в синюю льняную рубашку, пропитанную запахом земляничного мыла, надел в азарте салатный с легкой искрой галстук и замшевые туфли, а затем немного припудрил опухшее лицо – перед удивленным следователем предстал эффектный, можно сказать, киноголичный мужчина, готовый на подвиг, на труд и на любовь.

Не успели они перейти мощеной битым кирпичом дорожкой через узкий дворик к выходу на улицу, как их окружила толпа пожилых людей, мужчин и женщин. Все они разом упали на колени перед Иудой и старались дотронуться до его костюма. Джигурда проворно отскочил в сторону, хотя никто и не собирался касаться его одежд. В душу Иуды скользнул тысячелетней памяти холодок – ему даже показалось, что от него тоже исходит некая живительная сила, особенно после прикосновения жадных женских рук. Стремясь предупредить их просьбы, о

содержании которых нетрудно было догадаться, он жестом древнеримского воина выбросил руку вперед в направлении зеленых верхушек тополей и зычно крикнул:

– Я послан к вам, островитяне, с последним предостережением: покайтесь, кто ещё в грехе, ибо скоро будет поздно! Очищайтесь в молитвах от скверны вашей жизни, от бесов суетного мира. Будьте как дети в своих помыслах. Ибо кара Господня близка!..

Говоря так, Иуда прекрасно осознавал, что бесполезно призывает этих людей уподобиться детям и покаяться: без настоящей веры, никто в пыли валяться не станет. К нему пришли за исцелением от телесных недугов – люди во все века одинаковы. Но как им помочь? Впервые он пожалел, что отказался от того запаса особых сил, который полагался ему по статусу задания. Одна из старушек, сморщенная, как печеная тыква, целуя его туфли, тоненько запричитала:

– С воскресением вас, Вениамин Михайлович, пастырь вы наш родной! Чудо свершилось, и мы тому счастливые свидетели. Мы денно и ночью молились за вас перед Господом, и он услышал наши молитвы. Теперь и вы внимайте слезам своих верных овец: обратите на наши немощи великую силу вашей небесной благодати, чтобы и нам не страдать без вины...

– Замучил меня сахарный диабет, батюшка. На одних уколах живу... – подхватила другая женщина, похожая в своём тусклом платочке на бледный картофельный росток.

– А у меня, родимый, рука сохнет, и желудок болями изводит, будто червь какой там сидит... – пожаловалась ещё одна бабушка, и всхлипы её перешли в тягучий вой.

– Слушайте меня внимательно, братья и сестры! – властно оборвал их всех Иуда и машинально поправил галстук. – От грехов я не избавляю. Только один Господь это может. А болезни – суть грехи ваши или родителей ваших, со времен Адама-отступника. Такую ответственность я на себя не беру, не уполномочен. Тем более, мучиться всем нам осталось недолго. Но вот что я могу, благочестивые: кто имеет за душой Христа, тот спасется. Я тоже этого хочу и об этом молю. Кто верит в Него, с тем да сбудется. А кто сомневается – не взыщите: что посеяли, то и пожнете! – Иуда вскинул кверху руки с растопыренными пальцами и повернул их ладонями к страждущим, словно из ладоней исходили два луча. Взгляд его остекленел. Голос набрал нужные отстраненность и высоту. – Глядите в мои глаза и старайтесь узреть в них другие очи. Это не мои, это Его очи пронизывают вас насквозь, как некогда меня, и внушают вам: не бойтесь внешних болезней, а бойтесь внутренних, ибо внешней смерти нет. И я тому свидетель. Имеющий уши да услышит и исцелится! Аминь. Ступайте с Богом и верьте.

Мы подбежали к нему с блокнотами и фотоаппаратом, но следователь Джигурда резко отстранил нас и подтолкнул Иуду к стоявшей неподалеку патрульной машине. Последующий разговор наших героев подсказало нам богатое воображение:

– То, чего я так боялся, произошло, – невесело вздохнул Иуда, оттягивая жесткий воротник рубашки.

– Вы сами-то хоть верите в то, что говорили? – угрюмо спросил Джигурда.

– Самое трудное было – не рассмеяться. Но вот откуда слова эти взялись, не пойму. Словно кто-то вкладывал их в мой бедный ум. Скоро меня разоблачат, и тюрьма будет лучшим выходом.

– Пожалуй, что так, – с улыбкой согласился следователь.

10. Вербовка

И вновь замелькала перед глазами ажурная металлическая изгородь, замельтешили гипсовые амурьеры интерьеров, расплзлись змеи ковровых дорожек по крутым лестницам и коридорам. Защекотало в носу от сухого запаха ночной пустыни, исходившего от пальмы в кадке и от сладковато-возбуждающего благовония источаемого дорогой кожей диванов и кресел...

Несколько минут пришлось ждать у дверей губернаторского люкса, где Ферапонтов принимал решения по самым щекотливым делам.

Наконец он самолично открыл двери: лицо было распаренное, как от банного жара, с ещё не остывшими после блуда глазами. На груди губернатора под расстегнутой сиреневой рубашкой курчавилась до самого горла седоватая шерстка – на ней поблескивали капельки пота. Взгляд благодушно лоснился, но доверять этому благодушию было нельзя. Ферапонтов грузно плюхнулся в кресло возле столика с батареей мерцающих бутылок и богатой снедью и насмешливо холодно воскликнул:

– Отыскался покойничек! Теперь хоть на человека стал похож. Ты что же, товарищ Кувшинников, комедию ломаешь? Ну, воскрес, так воскрес. Бывало и не такое. Но зачем ты себя за Искарюта выдаешь? За небесного посланника? Тоже мне неуловимый мститель! В пророки потянуло? Разве ты меня не помнишь? А ведь мы с тобой немножко сотрудничали, а?.. – Ферапонтов с едкой ухмылкой сощурил глаза, отхлебнул из бокала и удовлетворенно причмокнул мокрыми губами. – Не забыл своего предшественника Вебера? Ты ведь занял его место благодаря мне.

– Не знаю я никакого Вебера, – твердо ответил Иуда.

– А Марию?

– Где она? Вы в курсе? – Иуда слегка подался вперед.

– Ключнул! Марсальская права, – засмеялся Ферапонтов, шлепнув себя по жирным ляжкам. – Я ещё фамилию не назвал, а он уже понял, о ком речь. Хватит притворяться, Вениамин Михайлович! Актер из тебя никудышный. Ну-ка разденься! Я сейчас всем докажу, что ты – это ты и никто другой. Раздевайся до пояса. Или тебя раздеть?

Иуда нехотя подчинился. Ферапонтов повернул его к себе спиной и с победным возгласом больно ткнул пальцем под левую лопатку.

– Что я говорил? Выйди-ка на минутку сюда, Ираида Кондратьевна, здесь все свои... Вот он, засохший рубец от удара ножом! – Он сердито повернулся к смущенному Джигурде. – Ты бы мог и сам это проверить, дорогой мой Фуше. Или он уже склонил тебя на свою сторону?

Увидев, что из спальни выходит Марсальская, в короткой тафтяной юбке и канареечного цвета блузке, с грубым постельным румянцем на щеках, Джигурда стал похож лицом на провинциального учителя гимназии, заставшего свою ученицу в непристойном виде в сомнительном заведении – растерялся, засопел и строго поправил очки на переносице. Затем, глядя прямо в глаза губернатору, сухо отчеканил:

– Фуше, между прочим, был из другого ведомства. Вы это лучше меня должны знать. А в отношении человека, который стоит перед нами... Я и сейчас убежден, что это не убитый Вениамин Кувшинников и не брат его Яков, а кто-то другой. Возможно, он тот, чьим именем себя называет. Но доказать никто ничего не может, ни мы, ни он.

– Кончай свои мистификации! У тебя есть факты, и ты обязан следовать им. А фантазии оставь нашим литераторам Гайсину и Тимсу, – Ферапонтов презрительно скривился.

Марсальская подошла к Иуде вихляющей походкой и холодными жесткими пальцами ощупала шрам на спине.

– Это ни о чем не говорит, Тимур Иванович. Она села на своё место у треугольного столика и потянулась к фужеру с кровавым полукружьем по краю от губной помады. – Сегодня ночью я общалась с духом нашего любимого Великого Учителя, и он подтвердил, что к нам на остров действительно явился Искарют.

– Какого ещё учителя? – встревожился Иуда.

– Не того, о ком ты подумал, – усмехнулась Марсальская и, выдержав паузу, добавила таинственным шепотком, от которого у всех пошли по телу мурашки. – А того, кто подмигнул тебе вчера в своей гробнице. Было такое?

В комнате воцарилась тяжелая тишина, и стало слышно, как в соседнем номере волнующе стонет женщина, а затем сдавленно закричала в подушку. Марсальская жадно выставила пылающее ушко с бриллиантовой серёжкой-капелькой на мочке. Облизнувшись, она закинула ногу на ногу, высоко оголив круглые колени, и отпила розового вина. Туповато-тревожные взгляды мужчин Ираида Кондратьевна встретила надменно.

– Ты что же это, Ираида, сразу не сказала? Темнишь? – Ферापонтов застегнул рубашку на все пуговицы и накинул на плечи пиджак, стилизованный под армейский френч. В его расширенных зрачках проступила некоторая растерянность.

– Спросите у нашего гостя. Он человек честный. – Марсальская остро взглянула на Иуду сквозь кисейные лохмотья дыма.

– Значит, мне не померещилось, – буркнул тот, словно разговаривал сам с собой.

Он пытался соединить логические концы и начала: как эта восковая кукла могла узнать его в облике неизвестного Кувшинникова? Ведь задание секретное, о нем наверняка знали лишь единицы из Высшего Совета – откуда произошла утечка информации? Видимо, этот загадочный Островитянин имеет большие тайные связи в обеих Канцеляриях. (Мы просим извинения у читателя за эту приблизительную терминологию: дело в том, что и сам Иуда почти ничего о ней не знал, а лишь смутно помнил некий ключ к шифру.)

– Но постойте! – вдруг возмутился Джигурда, потирая лоб указательным пальцем. – Ведь я шагал при осмотре пирамиды прямо за спиной гостя и не мог не заметить...

– Ты вообще перестал замечать то, что нужно, – кольнул его Ферापонтов и тоже напустил на себя вид посвященного лица. Он разлил вино на четверых, но прежде чем взять бокал, близко наклонился к Иуде и произнес с ядовитой любезностью:

– Если вы так хорошо усвоили наш язык, то уж свой-то родной, арамейский, должны знать тем паче. Только не надо клясться, что вы забыли его после двух тысяч лет, проведенных неизвестно где. Итак, я жажду услышать исконное слово.

Иуда радостно прищелкнул пальцами.

– Вы правы, губернатор. Как я сам не догадался! Я действительно многое подзабыл, но кое-что помню...

С первыми же гортанными звуками Иуда сразу преобразился: глаза вдохновенно засияли не по-здешнему, и свет, загоревшийся в этих глазах, изменил черты всем знакомого лица, его мимику, отразился в импульсивных характерных жестах рук, в движениях пальцев, в тембре голоса – Иуда, наконец-то, почувствовал себя изнутри – он летел и летел вслед за своим голосом, за каждым своим словом, обжигаясь его сокровенным смыслом. Из глубины, из-под вековых наслоений повеяло безответной печалью далекой души: в облаке точных напевов псалтири и звуков свирели, среди апельсиновой прохлады сумеречных роцц.

Губернатор со следователем оба буквально обратились в слух, сделались напряженно-внимательными – как гончие собаки, ищущие затерянный на тропе след.

У хозяйки особняка замирало сердце, когда гость нечаянно обращал на неё свой потемневший «иноземный» взгляд, излучавший тоску по любимой.

Но вот умолкла причудливая музыка чужой речи, похожая на курлыкание осенних журавлей. Ферापонтов посмотрел на Иуду с почтительным одобрением и тихо постучал кончиками пальцев о ладонь – вместо аплодисментов.

– Весьма убедительно. Я ведь учился в институте востоковедения и немного в ваших языках разбираюсь.

– Это был отрывок из Агады, одной из частей Талмуда... – Иуда взял бокал, понюхал вино и сделал несколько глотков. – Не думаю, чтобы ваш сектант его знал. Между прочим, я с ним недавно встречался.

– Это где же? И каким образом? – Джигурда дернулся в кресле и задел ботинком ножку столика: голубоватый фужер с апельсиновым соком опрокинулся, издав хрустальный звон.

– Ночью, под потолком, в его бывшем доме, – доверительно улыбнулся Иуда, разглядывая золотистые потеки сока. – Он сказал, что знает своего убийцу в лицо. Но назвать отказался. По определенной причине.

– Почему? Мести, что ли, боится? – усмехнулся Ферапонтов и бросил в лужицу сока несколько бумажных салфеток.

– Он намекнул, что настоящий убийца все-таки другой.

– Выходит, убийц двое, а рана одна? – несдержанно фыркнула Марсальская.

– Я так и думал, – пробормотал Джигурда, лениво ковыряя мельхиоровой ложечкой в маленькой консервной банке с красной икрой.

– Что ты думал?! Ну, что? Видите ли, думал он! – с непонятной злостью взорвался Ферапонтов, нависая над столиком взъерошенной совой. – Слишком много размышлять стал... Лучше бы действовал!

– Всему свой срок, Тимур Иванович, – отозвался Джигурда с какой-то даже угрожающей, но по-прежнему той же раздумчивой интонацией.

Ферапонтов искоса бросил на него быстрый взгляд и решил не нагнетать напряженность. Нарочито обескуражено рассмеялся и хлопнул себя по широким коленям мужицкими ладонями.

– Век живи и век удивляйся! Между нами говоря, я тоже сомневался. Флюид не тот. Да и не полез бы никогда Вениамин Кувшинников драться со скифами. Яшка бы мог – но ему это зачем? Кстати, гражданин мира, поздравляю вас с первой кровью: вы убили моего телохранителя Коляню. Два часа назад он скончался в реанимации.

Смысл сказанного губернатором постепенно дошел до Иуды, и тогда бокал с вином дрогнул в его руке. К тому же он заметил, что Марсальская смотрит на него с каким-то неприличным восхищением, а то и с откровенным желанием. От этого её взгляда на душе стало совсем отвратительно – Иуда судорожно выпил до дна и налил еще из первой попавшейся бутылки: в ней оказался коньяк, заплывший в глотке солнечным жаром.

– ... Так что, у меня много оснований отправить вас за решетку. А ещё лучше – в психлечебницу. Но дурдом нынче переполнен. Что-то слабый народишко пошел. Недавно привезли новоявленного Иоанна Крестителя: те же грозные речи и проклятия на головы начальников, особенно на мою. Вы бы с ним сошлись.

– Вы так считаете? Я этого типа не любил, – рассеянно признался Иуда, вспоминая струйку крови, вытекающую из губ умирающего римского легионера. Теперь, подумал он, его будет преследовать другое видение: падающий Коляня и тупой удар затылком о булыжники.

– Вполне солидарен с вами, – живо откликнулся Ферапонтов и пригладил пятерней жесткие волосы. – Могу пооткровенничать. Мне по душе ваша легендарная Иудея. У нас много общего: страстная любовь к родине, к своей идее, к преданьям старины глубокой... Да много чего! Нас тоже погубили разрушительные проповеди. Могучий Саул не зря почуял в Давиде опасный микроб: все эти гусли-мусли, псалмы, непотворение. Нежному Самуилу надо было не елеем из рога помазать Давида на царство, а живой кровью врагов Израиля. Вот Самсон мне жутко симпатичен. Это и наш герой. – Ферапонтов добавил всем вина и поднял свой бокал на уровень орлиного носа. – Поэтому я предлагаю вам, товарищ Искарриот, быть до конца Иудой...

Наступило неловкое молчание. В соседнем номере теперь уже тихо бубнили за рюмками – Марсальская чутко прислушивалась к шелестяще-возбуждающим звукам и смешкам.

Джигурда медленно цедил густое вино, однако щеки следователя не розовели от хмеля, а бледнели ещё более. Он беспрестанно протирал стекла очков серым скомканным платочком. Марсальская наклонилась к нему и шепнула:

– Зайдите как-нибудь – я вам хоть сморкальник выстираю.

– Зайду обязательно. Хотелось бы кое о чем у вас спросить, – насупился следователь, пряча руку с платком в карман.

– Я что-то вас не понял, – сказал Иуда и посмотрел губернатору в переносицу, где перелестнулись темные щетинки бровей.

– А тут и понимать нечего, – Ферাপонтов по-снайперски сощурил правый глаз. – Не без помощи Ираиды Кондратьевны у меня родился один планчик, несколько парадоксальный. Неплохо бы создать общество друзей Иуды. Сокращенно – ОДИ. В противовес всяким там баптистам. Помещение выделим, рекламные плакаты выпустим, что-нибудь вроде: «Не бывал ли ты в ОДИ – если нет, то приходи». Вы должны нам помочь. Отработайте свои грехи. Ведь Тотэмос – двоюродный брат вашей Иудеи. Мы тоже не желаем предавать заветы наших отцов, идти под власть диктаторского Центра, заокеанских идиолов и буржуазных конквистадоров. В конце концов, тебя послали сюда не разрушать, а созидать. Не так ли?

– Я теперь вообще не знаю, зачем меня послали, – пожал плечами Иуда, чувствуя, что тяжело пьянеет.

– Не пудри мне мозги! – Ферাপонтов стукнул кулаком по краешку столика.

Марсальская прикусила вишневую мякоть губ, словно истекающих вожделием, и вцепилась в руку Иуды.

– Пойдемте со мной, товарищ Искарриот. Я вам популярно объясню. Ну же! – Она властно потянула его в боковую комнату, насыщенную пряными запахами греха и одеколона, щелкнула английским замком и бросилась на шею Иуде – горячие губы прикипели к его рту, как моллюск к камню.

– Ты почему, изменщик коварный, вчера не пришел? Я ведь ждала. Променял меня на глупую сектантскую курицу?

– Я её не трогал, – возразил Иуда, сдавливая широкие мягкие бедра Марсальской, будто собирался играть на кимвале.

– Значит, сохранил свои силы для меня? – Сверкая оскаленными зубками, Ираида ловко расстегнула молнию на брюках Иуды, просунула руку в ширинку и захватила в тисках пальцев вожделенное орудие любви. Держась за пульсирующую плоть, Марсальская астматически задышала в ухо:

– Я хочу тебя, Иудушка. Я жажду и требую. Трахни меня по-солдатски, по-походному, без всяких выкрутасов. Вот так... – Она задрала юбку, расставила ноги в стороны и уперлась руками в низкую тумбочку возле деревянной кровати с разлохмаченной постелью. Голос её звучал придушенно и отдаленно, как из мешка:

– Давай, Иудушка, поехали! Жарь на всю катушку!

Глаза Иуды словно припаялись к наливному яблоку зада. Эта восхитительная часть женского тела всегда была для Иуды самой вожделенной. За подобную слабость многие прелестницы даже подозревали его в тайном извращенстве. Он и сам не мог объяснить, отчего так перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце, стоило ему только ненароком коснуться в толпе женской ягодицы. Вот и сейчас бурлившая кровь смяла все жалкие преграды. Он бросился к белому роскошному задку, как бык на красную тряпку: то впивался в самые пухлые места, будто вампир, покусывая нежную плоть, то припадал пылающей щекой и терся, издавая шутливо-грозное рычание, а то и счастливый скулеж преданной собаки.

– Хватит меня облизывать, как девушку! Давай посущественней... – сердито прохрипела Марсальская.

Иуда выпрямился, и брюки шлепнулись на пол. Об астральном выходе из тела он уже не помышлял – чего теперь щепетильничать, ежели убил человека. Христос не простит – Творец простит. Попросив небесные силы простить его, Иуда нашарил, наконец, в тесноте кочегарки теплую прожорливую печь и начал активно подбрасывать в неё уголек, расшуровывая толстым ломом старую золу. Уголек в топке весело затрещал, со специфическими выстрелами и выхлопами. Локомотив набирает ход. Стало хорошо и жарко. Послышалось завывание осеннего ветра в паровозной трубе, и вот уже локомотив на всех парах летит в неизвестном направ-

лении, то ли в ад, то ли в рай, гулко стучат колеса на стыках рельс, мощно работает раскаленный поршень. Машинист чувствует каждым нервом, что надо сбавить ход, чтобы прийти вовремя и не пролететь остановку, не в силах вытерпеть бешеной гонки. Желая предупредить пассажиров, дал преждевременный басовитый гудок. Заметавшийся в узком пространстве кочегарки, выпустил горячую струю пара на каменку – в это время и сама печь зашипела, задрожала, едва не сломав поршень. Марсальская схватила подушку и с ревом вонзила в неё зубы. Локомотив заскрежетал старенькими тормозами и остановился возле пустынного перрона, где никто их не встречал: повсюду лежали шелудивые собаки с высунутыми багрово-пепельными языками, а по перрону растекался тошнотворный сучий запах. Вагоны расцепились, и надо было быстренько привести их в порядок.

Марсальская взяла флакончик с резной полки под зеркалом в форме сердечка, смочила содержимым палец и мазнула себе за ушами и между грудей. Нарочито громко, будто потеряла всякое желание убеждать, заговорила:

– Соглашайся на предложение губернатора. От тебя требуется всего лишь рассказать правду об Иисусе: мол, был он добренький, но космополит. Ненавидел патриотов, насмеялся над народной памятью и обычаями, призывал к сотрудничеству с Центром, то есть с Римом, с кесарем, боялся всяких восстаний и революций. Побольше трепись о героической иудейской войне, о любви к отеческим гробам, о Моисее, чтобы народ вместо гнилой морали «возлюби врага своего» утвердился в заповеди «кровь за кровь». Без восторгов и соплей. Ты ведь умница у нас! – Она послала Иуде воздушный поцелуй, не желая, видимо, смазать накрашенные губы, и кокетливо добавила с подмигом: – Поезд пришел по расписанию. Машинист был на высоте.

Иуда долго молча возился с ремнем, стремясь занять руки, которые дрожали от искушения схватить блудницу за горло.

На их счастье, Феррапонтов все это время кого-то зычно распекал по телефону, размахивая волосатым кулаком. Следователь Джигурда съезжился в кресле – лицо его сморщилось прошлогодним яблоком, на выскользнувших из спальни любовников он подчеркнуто не смотрел, делая вид, что слушает губернатора острова. (Иуда ощутил неприятный укол совести – такое поведение двоюродного брата Марии Залетновой вызвало у него болезненную реакцию.) Феррапонтов послал кого-то матом «ниже пояса», остервенело швырнул трубку на рычаг и с ещё не остывшей яростью уставился на Иуду, словно соображая, откуда здесь возник этот человек...

– Ну что – договорились? – как бы припоминая начало разговора, произнес губернатор.

– Наш гость согласен, Тимур Иванович. Я убедила его, – сказала Марсальская с вульгарным смешком и по-лисьи облизнула губы, яркие, словно открытая рана.

– Ты кого хочешь убедишь, дочь Изида и Осириса, – осклабился губернатор и достал из бара, вспыхнувшего под светом люстры всеми зеркалами, новую бутылку марочного вина. – Но я бы хотел услышать о согласии из уст самого гостя.

– Предложение заманчивое. Почему бы не попробовать? – ответил Иуда. Он понимал, что в его положении идти на резкую конфронтацию с губернатором глупо. Отныне Иуда решил, что главное сейчас для него – не дурацкое задание небесной Канцелярии (бессмысленное и жестокое, на его взгляд: почему через сорок дней, а не через тринадцать? Почему этот остров, а не соседний? Люди везде одинаковы и везде грешны), а найти Марию Залетнову.

– Я знал, что вы нашей закваски. Потому особо и не трогал, – снисходительно улыбнулся Феррапонтов, ввинчивая штопор в пробку. – Мы тоже в долгу не останемся. Перед почетным гостем Тотэмуса откроются все двери. Кроме, разумеется, тех, что ведут к секретам госбезопасности.

– А как же быть с Вениамином Кувшинниковым? Его многие знают в лицо. Начнется дикий наплыв паломников. Ведь хождение слухов по городу не запретишь, – Джигурда снял очки и протер их засаленной фалдой мундира.

– Дело об убийстве сектанта Кувшинникова надо закрыть за неимением улик. Ножи с тремя шестерками сейчас у многих в Тотэмсе – мода такая пошла. Надо повернуть дело так, чтобы, в конечном счете, мы убили ещё одного зайца. Для этого у нас есть средства массовой информации. Я сам свяжусь с кем надо. У нас есть умельцы-шелкоперы, знатоки иудейской тематики, не хуже Луки или Матфея сочинят. Было бы замечательно, если бы наш гость разродился пророчеством – новым откровением от Иуды. Остров для этого место подходящее. Все условия создадим. Хоть за решеткой, хоть на воле... – Ферапонтов откинулся на спинку кресла, зевнул, и в его львином зеве тускло блеснули золотые коронки. Он потянулся к серванту, взял с полки шоколадного цвета трубку и стал набивать её табаком из вышитого кисета – верный признак того, что настала торжественная минута. – Итак, выпьем за историческую встречу между представителями древнего Тотэмса и древней Иудеи. Родина или смерть! Но пасаран!

Глава 4 «Коварное отравление»

11. Встреча с дьяконом Родионом

Он ожидал, что в просветах между стволами влажных тополей вот-вот мелькнет нечто, подобное позолоченной крыше Храма или лепнине в виде огромной грозди винограда на каменных стойках ворот. Но вышел Иуда к небольшому деревянному строению с сияющим крестом на голубой маковке, с кривой изгородью и тихим двориком, где на паперти перед притвором на одном языке ворковали голуби и нищие – как некогда у красных ворот Храма, у Соломонова притвора. Тронули сердце торговые лавчонки с сидевшими в них продавцами церковной утвари. Да и внутри церкви многое из обстановки совпадало и потревожило память: торжественные песнопения, дурманящие запахи и нарядные одежды священника, напоминавшие о длинных льняных подинах, схваченных серебряным шнурком, о пышных нагрудниках из дорогих камней. К счастью, не было на местном слугителе шелковых перчаток, которыми спасались наследники Аарона от жертвенной крови и слизи. Проследив за движениями рук прихожан, Иуда догадался, что они связаны с распятием раввуни. Ему захотелось самому пере-креститься, но рука налилась свинцовой тяжестью, и он понял: пока ему это не под силу. Но никакой отчужденности среди этих благостных лиц он не испытывал – лишь общее со всеми умиротворение. Впервые за то время, что он находился на острове, ему было хорошо и отрадно, как в детстве с родителями в праздничном Храме, когда воспаряла душа к шестикрылым серафимам над ковчегом в святая святых. Прислушавшись к чуть гнусавой скороговорке священника в блестящей, будто покрытой сухой изморозью, епитрахили, он догадался, что речь в проповеди идет о возвращении блудного сына в родной дом. Эту притчу он слышал из уст самого Егошуа, когда они брели по пыльной дороге из Иерусалима после праздника Суккот. Разве мог он подумать тогда, что простые слова галилейского учителя будут потом повторять по всему миру, через столько веков! Теперь они звучали по-новому и обретали двойной смысл.

Иуда в задумчивости стоял возле бокового открытого входа и вздрогнул, когда со стороны подворья его нерешительно позвали: «Вениамин! Сынок!». Он обернулся и увидел, что к нему обращается рослый дьякон в длиннополом подряснике, подпоясанном широким ремнем, и бархатной скуфье: замер у низкого крылечка и смотрит со страхом, сквозь который не в силах пробиться радость. Пришлось подойти, хоть и испытывал досаду: опять надо изворачиваться, лгать! Дьякон торопливо осенил себя крестом и прижал Иуду сильными руками к груди.

– Чудны дела твои, Господи! Мне вчера разное говорили: одни – будто тебя вовремя откопали и оживили врачи, другие – что ты воскрес с Божьей помощью. Я не поверил и даже рассердился на такое кощунство. А ты воистину живой. Да ещё в нашу церковь явился, яко раскаявшийся сын в родную обитель. Пойдем, Вена, к Олимпиаде, нашей привратнице. Вон её хибарка, через тропинку.

В тесной кухоньке, где даже пища пахла церковным ладаном, они присели за шаткий столик у окна. Хозяйки дома пока не было. Дьякон не сводил с Иуды изумленных глаз, сияющих печальным восторгом и недавней опохмелкой. Он то и дело притягивал его за шею к себе, царапая щеки колючими зарослями бороды, крестился на тусклые иконки в углу и басовито гудел:

– Всё ещё не могу поверить, яко Фома-апостол...

– Могу язвы показать, – усмехнулся Иуда, мучительно гадая про себя, кем ему может приходиться этот живописный левит.

– Не шути так, негоже, – мягко укорил дьякон, пошевелив густыми бровями. Бросил подозрительный взгляд, вызванный неосторожной остротой, и, в чем-то себя убедив, снова забасил на весь маленький домик:

– Да, Господи, неисповедимы пути твои! Может, сие есть сила святого креста? Когда ты лежал в гробу, я тайком надел на тебя церковный крестик... Что ты смурной такой, сынок? Или не узнаешь меня, батюшку Родиона?

– Я сейчас самого себя не узнаю, – увильнул Иуда от прямого ответа. Он чувствовал себя неловко под напором радостных чувств, плескавшихся в больших, с паутинкой красноватых прожилок на белках, глазах дьякона.

– Значит, ещё не отошёл ты от потрясения. Для меня это даже к лучшему. Ведь я не столько перед тобой хочу покаяться, как перед самим собой. Давно собирался на эту исповедь. А тут Господь сам нас свел... Вы с Яшей знали меня с детских лет как друга вашей семьи. И не ведали, что я есть ваш родной отец. Не Михаил Кувшинников, царствие ему небесное, а я, Родион Шойгин. Миша был прекрасной души человеком, моим приятелем по молодым и глупым летам. Вместе в семинарии учились, вместе и в одну девушку влюбились. Это была ваша матушка, пусть будет земля ей пухом. Я оказался пошустрей. Но когда Елизавета сказала, что зачала от меня, не поверил ей и привел слова Соломона: «Не могу узнать следов мужчины к девице, как и змеи на скале». Она все поняла, обиделась, – и больше мы не встречались. А Михаил ради неё порвал с церковью, хотя от Бога не отказался, однако вскоре ушел к баптистам, и даже стал регентом. Ты сперва ходил в его общину, а после зачем-то переметнулся к иеговистам, к Веберу, этому троянскому коню сионизма, но я счастлив, что Господь направил тебя к нам, яко мятежного Савла...

Красногубый рот дьякона, похожий на воронку в темном омуте бороды, внезапно начал странно кривиться, всасывать в себя прокисший кухонный воздух – кожа на лице сделалась мучнисто-бледной, а черные зрачки забились пойманными мухами в сгустившейся паутине кровяных прожилок.

– Что с вами, отец? – беспокойно воскликнул Иуда.

– Ох, сынок, что-то худо мне с этого вина. Будто отравы выпил. Дай-ка водички...

Не вставая, Иуда зачерпнул кружкой воды из цинкового ведра, стоявшего у беленой печки на табурете, и подал дьякону – тот жадно припал к краю кружки, глотая воду с булькающим стоном. Но пальцы вдруг ослабли, огромная рука затряслась, и кружка упала на стол. Мокрое от пота лицо перекошилось, пошло ржавыми пятнами – дьякон судорожно поднес руку к плотному вороту, захрипел – и повалился на грязный пол. Иуда в испуге бросился к нему, затормозил и слегка приподнял на руках – дьякон был уже по мертвому тяжелый и рачьими глазами таранился сквозь него в потолок. Из перехваченного спазмами горла харкающе прорвалось: «Ча... ча... чаша... иди...». Потом он в последний раз дернулся, обвис телом, и голова его откинулась к правому плечу.

Глядя в приоткрытый окостеневший рот, Иуда понял с ужасом, что руки его обнимают труп. Он резко отпрянул, и крупная голова отца Родиона гулко ударилась о горбатые половицы. Этот знакомый, гадкий бессмысленный стук пронзил Иуду: опрокидывая тазы и кастрюли, он метнулся к выходу. В дверях он столкнулся с хозяйкой дома, неопределенных лет женщиной в темном платке и монашеском платье, и уже за спиной услышал её тоскливые бабьи причитания.

Некоторое время Иуда был словно в каком-то мутном угаре. Совершенно не понимая зачем, он опять ввинчивался в жаркую толпу прихожан. И лишь когда увидел, как маленький круглый священник в высокой камилавке с белоснежным покрывалом, подняв потир с жертвенника, понес его во главе торжественной процессии через царские ворота в алтарь и, после евхаристической молитвы, вознес дары кверху со словами: «Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воспел одесную Бога», – до него вдруг дошел смысл последних слов дьякона: «Чаша... иди...». Иуда замер, ещё не в силах шевельнуться и беспомощно глядел, как добав-

ляют горячую воду, словно теплое дыхание жизни, в золотистый сосуд с вином. Но вот парализующая судорога отпустила. Расталкивая прихожан, он устремился к престолу, покрытому парчовой тканью, и выхватил потир из рук ошарашенного священника.

С криком: «Чаша отравлена!» Иуда протиснулся сквозь онемевшую толпу к южным дверям, и там, стоя на невысоком приступке, выплеснул на землю вино причастия вместе с просфорой.

Под разноцветным куполом церкви заметался гул негодования. Жилистый мужик в бежевой рубахе схватил Иуду за грудки и закричал, брызгая слюной:

– Ты что же, Иудино семя, делаешь?! Креста на тебе нет, каинит проклятый! Над верой нашей измываешься?!..

Последовал сильный, хотя и неумелый удар в скулу. Иуда соскользнул одной ногой с трухлявой ступеньки и сверзился вниз – поднимаясь, заметил, что какая-то бездомная вислоухая собачонка слизывает со стрелчатых побегов юной травы красную влагу и глотает кусочки хлеба, смоченные в вине. Тут одна из трех пожилых женщин нищего вида, сидевших до того на скамеечке у ограды, а теперь резко поднявшихся со своих мест, подскочила к нему и с размаху стукнула по голове тяжелой авоськой с подаянием. Две другие побирушки, матерясь, вцепились ему в волосы, больно и расчетливо пиная по коленкам ногами в мужских ботинках.

– Ах ты, сука поганая! Вон какую морду наел, а человека христианского последней радости лишаешь! Без опохмелки оставил!...

Рассерженный не на шутку, Иуда наконец выпрямился во весь рост, намереваясь ответить обидчикам. Однако замер на месте: обтерханная собачонка, проглотив содержимое чаши, вдруг закрутилась на месте, жалобно заскулила, и юркнула в щель под забором. Он проводил дворняжку досадливым взглядом... Неужели ошибся, неправильно понял дьякона?

В это время во дворе появилась всполошившаяся привратница и, тыча в Иуду пальцем, закричала:

– Держите кананита! Он убил дьякона Родиона!

Вылетевшая из церкви, как пчелы из потревоженного улья, дружная толпа прихожан разом взвыла и бросилась к куче каменных обломков – в едином желании побить камнями преступника. Он же в ту минуту намеревался перемахнуть через невысокую ограду. Но доски оказались гнилыми, и Иуда рухнул вместе с заборчиком в уличную пыль. Кто-то больно саданул его носком сапога по ребрам, кто-то приложил кирпичом по хребту. Вывернувшись из-под частокола ног, он ударил какого-то мужика кулаком в голову – тот завалился как подкошенный под чей-то заполошный крик: «Убил, окаянный!». Потом схватил отскочивший от штакетника неопшуренный кол и с рёвом замахнулся на прихожан:

– Прочь с дороги, жлобы необрезанные! Гробы поваленные! Близок ваш смертный час! Скоро вам всем на Страшный суд!

Народ отступил от сумасшедшего, но камни в руках сжал ещё крепче, собираясь к решительному броску. Неожиданно всех отрезвил взвившийся фальцетом женский крик:

– Собачонка-то издохла! Он прав, вино было отравленное!

Толпа смущенно загомонила, заворчала, неохотно расставаясь с кирпичами и палками. Раздались неуверенные голоса:

– А кто ж его отравил? Может, он и сделал это. Морда уж больно бандитская.

– Верно. Вполне мог. С тайным умыслом. Теперь и причащаться боязно.

Долговязый парень в чайного цвета рубашке поколебал их неприязнь к чужаку окончательно:

– Братцы, да ведь этот мужик сражался против скифов на площади Восстания. Двух амбалов ухайдакал!

– Похоже, он. Только тогда он был замухористой.

– Всё равно мы должны задержать его. Там разберутся.

Иуду отвели в бревенчатый домик рядом с просвирней. Время шло к обеду, и ароматный дух борща царил над всеми остальными запахами, заполнившими тесные комнатки, в которых хранилась разнообразная церковная утварь. Поборов неловкость, Иуда попросил черницу накормить его. Лишь на секунду усомнившись, стоит ли, она принесла миску постного борща и кусок холодного пирога с капустой. Азартно работая деревянной ложкой, Иуда с интересом разглядывал атрибуты новой для него обрядности – и удивлялся людям... Если бы раввуну увидел всё это – испепелил бы одним взглядом! А после сказал бы с грустью: они так ничего и не поняли. В самом деле, эти бесхитростные прозелиты из язычников не только со смешным простодушием скопировали многое из древнего Храма в Иерусалиме, но и пошли ещё дальше: просто хороших людей с легкостью необычайной превратили в святых – и теперь даже молятся на них – на своих князей, царей и монахов... Прости их, Господи! Не ведают, что творят.

12. Следователь и следственные действия

Вскоре к церкви приехал Джигурда со следственной бригадой (мы присоединились к ним по старой дружбе). Вся группа сразу направилась в дом привратницы Олимпиады. Труп дьякона лежал на том же месте – в узком пространстве кухоньки, между столом и входной дверью. Крупные черты лица уже не выглядели грубо искаженными, как в момент смерти: они слегка разгладились, утвердились, застыв в последнем благородном величии. Черница провела ладонью по лицу покойного, закрыв ему остекленевшие глаза, в мучительном недоумении созерцавшие треснувший потолок. Когда мертвого дьякона осветили фотовспышками, а контуры большого тела обвели мелом, Джигурда пригласил Иуду в одну из двух маленьких комнат домика привратницы с окнами в палисадник. Сам он уселся на некрашеную табуретку – важно, как на царский трон, – и сердито сказал:

– Ну что, дорогой посланник, опять влипли?

Из смежной комнаты нам было видно и слышно, как Иуда изложил по порядку все события. Джигурда внимал ему как-то рассеянно, поглядывая в окно, где покачивались в подвенечном весеннем цветку старые вишни, – о чем-то печально размышлял. Потом бросил помощникам через плечо:

– Захватите с собой чашу. Пускай быстренько исследуют в лаборатории и вернут. Возьмите на пробу кусочки земли с того места, куда этот спаситель людей выплеснул вино.

– А как насчет собаки? – спросил лейтенант Крага, наш ровесник и бывший одноклассник.

– Ах да... Уже два трупа! Пускай и в её желудке тоже покопаются... Не забудьте взять кружку со стола, – Джигурда сдернул очки с носа и, дыхнув на стеклышки, стал протирать их новым чистым платочком. – Значит, Родион Шойгин повинен в сотворении братьев Кувшинниковых? Знали бы они... – Он запнулся и украдкой оглядел присутствующих, не желая выдавать инкогнито Иуды. Особенно остался недоволен жадным и насмешливым блеском в наших глазах. Затем снова уставился на Иуду и уже потише спросил: – А с чего это вдруг вас потянуло в церковь?

– С грязи. Хотелось немного очиститься. Вспомнил Храм.

– А батюшка не говорил, где он выпил вино и когда?

– Не успел. Сказал лишь, что вино – отраву.

– В котором часу вы встретились?

– Я ни в часах, ни вообще во времени не разбираюсь. Все по солнышку. А оно ещё не стояло над храмом. То есть над церковью.

В комнату вкатился коломком благочинный отец Прокл, закончивший службу. Был он в доброту сшитой рясе, на шелковой шумящей подкладке, с красивыми разноцветными четочками, в блестящем черном клобуке. Но пышная одежда не очень-то подходила к его розово-

щекому, жизнерадостному лицу с профессорским клинышком бороды и в роговых очках – он больше смахивал на ученого, чем на священника. Перекрестившись на божницу, благочинный дал привратнице поцеловать свою холеную руку и сел напротив следователя. Взгляд его казался преувеличенно тревожным из-за толстых линз.

– Откуда вы получаете вино для причастия? – спросил Джигурда, внимательно вглядываясь в глаза священника.

– Из разных мест, раньше было легче: из Центра нам регулярно поставляли кагор отличного качества. Сейчас, как вы знаете, хозяйственные связи разрушены. После антиалкогольной кампании многие заводы перешли на производство лимонада и пива. Коснулось это и нашего острова. На спиртзаводе гонят в основном водку и – понятно, зачем. Приходится добывать вино через коммерческих посредников. Ну и так далее.

– Вино сегодняшнего причастия было заводское?

– Да. Несколько месяцев назад дьякону Родиону удалось через директора спиртзавода закупить два ящика кагора. Один ящик у нас украли ночью прямо со склада епархии. Второй мы отдали на хранение привратнице Олимпиаде. Она всегда дома, женщина честная, богобоязненная. С её стороны всякие злоумышления исключаются, – заверил отец Прокл.

– Она вам сама приносит вино в алтарь?

– Когда как. Сегодня она принесла.

– А вы лично не пробуете вино, прежде чем вылить его в чашу?

– У меня такой привычки нет... – Благочинный хмуро поправил роговые очки. – А вот покойник, земля ему пухом, иногда грешил. Особенно, если накануне происходило обильное возлияние.

– Какие у вас были с ним отношения? – Джигурда взглянул на священника в упор, следя за каждой тенью на лице.

Отец Прокл тоже посмотрел на следователя серьезными глазами и сложил на животе маленькие женственные руки.

– Не буду скрывать, что по некоторым вопросам веры и жизни мы с ним расходились. В частности, мне был чужд его квасной патриотизм и заигрывание с властями острова. В личной жизни дьякон не всегда следовал правилам благочестия. Редкий пост выдерживал до конца. Мог и обидеть словом. В нем была сильна мирская закваска

– Значит, враги у него были? – прищурился Джигурда.

– Ну, это резковато сказано. У нас ведь не контора и не завод. Немного другие отношения. Неужели вы считаете, что это мог сделать кто-то из наших служителей? – Щеки благочинного приобрели морковный оттенок.

– Скажите, а в алтарь можно войти только через царские врата? Я имею в виду весь иконостас. Или есть еще какой-нибудь запасной вход-выход?

– Есть. Но он всегда закрыт на замок. Только сегодня был почему-то открыт. Может, хулиганы сломали замок вчера вечером?

– А ключ у кого находится?

– У Олимпиады. Она теперь у нас привратница.

– А кто до неё был?

– Петр Караченя. Недавно он уволился.

– Он посвящен был или как?

– Из мирян. Но принял особое благословение дьякона Родиона.

– А где он живёт?

– Это вы у черницы спросите. Она его лучше знает.

– Хорошо. Давайте вернемся к вопросу об алтаре. Туда ведь не каждый может войти?

– Это святая святых церкви. Там совершается таинство, – кивнул головой отец Прокл.

– А не могли бы вкратце раскрыть некоторые детали сегодняшнего таинства?

– О них не принято говорить. Но вам... в общем, я пришёл в церковь за час до литургии. Облачился, почитал особые молитвы. Затем возле жертвенника приготовил хлеб и вино. После этого...

– А бутылку вы сами открывали? – Джигурда агрессивно выдвинул вперед одно плечо.

– Да, сам. Не очень приятное, между нами говоря, занятие. Наши пробки...

– Стоп! – почти вскричал Джигурда и привстал с табурета. – Какая это была пробка, и где она сейчас?

– Обычная, металлическая, без козырька, – смущенно пожал плечами священник и погладил в задумчивости бороду. – А вот куда я её подевал? Впрочем, постойте. Я выкинул её в дырку в оконном стекле, слева от жертвенника. Вчера вечером какие-то юнцы разбили окно. Плоды, так сказать, нашего островного воспитания. И просвещения.

Джигурда молча кивнул лейтенанту Краге, вертлявому человеку с темной щеточкой усов, и тот бесшумно скрылся за дверью (Гайсин последовал за ним).

Джигурда извлек из кармана пачку сигарет, достал одну, но курить не стал, а только понюхал фильтр, как нюхают букетик цветов.

– А пробка легко снималась? – спросил он.

– Трудно. Еле содрал её ножичком. Есть у меня такой сувенирный ножичек – брелок для ключей. Очень удобная вещица.

– А где пустая бутылка?

– Она была не пустая. Там оставалось около стакана. Я спрятал её за жертвенником. Нельзя так делать, конечно. Видимо, дьякон нашел её и допил. Из чаши он не мог. Это было бы уж слишком. К тому же после Великого входа потир ставится на престол, и все прихожане его видят.

– А кого-нибудь из своих служителей вы не заметили в алтаре? Во время литургии... – Джигурда метнул исподлобья придиричивый взгляд.

– Честно говоря, не до того было. Естественно, там мог оказаться кто-то из наших. Любой. Вот дьякон Родион вообще не попадался мне на глаза. Вчера он жалобился на радикулит, и я разрешил ему полечиться, освободил от заутрени. Вот и подлечился, прости, Господи, его на небесах...

Лейтенант Крага вернулся сияющий и протянул на раскрытой ладони изогнутую пробку сиреневого цвета. Джигурда жадно схватил её, как музейную редкость, осторожно расправил, отошел к окну и поднес к прищуренным глазам – казалось, он пытался разглядеть полуденное солнце сквозь эту пробочку.

Чем-то не удовлетворившись, он вытащил из портфеля складную лупу и снова прикипел к находке... На этот раз на его напряженно вывернутых губах проклюнулась победная улыбка, а на стеклах очков заиграли солнечные зайчики.

– Характерная дырочка от иглы! – сообщил он со счастливым вздохом и велел Краге принести пустую бутылку из алтаря.

– Вы хотите сказать, что яд в вино закачивали шприцем? – Благочинный сжал пальцами небольшую панагию на груди, словно защищаясь от скверны. – Но зачем? Чтобы отравить дьякона Родиона? Не вижу смысла. Не та фигура.

– Вы правы. Думаю, мотивы и замысел у этого преступления более серьезные, – сказал Джигурда и посмотрел на Иуду странноватым, рассеянным взглядом, будто мысленно соединял некие звенья в единую логическую цепочку.

Появился Крага, гордо неся голубовато-зеленую бутылку, которую он держал за горлышко, обернутое носовым платком. (Нашего школьного друга распирало от сознания своей значительности.)

Следователь попросил хозяйку дома показать место, где хранилось вино. Всё ещё охваченная страхом привратница подошла к топчану, покрытому лоскутным одеялом, и вытащила из-под него пластмассовый ящик – гнездо ящика под старой мешковиной оказались пусты.

– Сегодня последнюю бутылку отдала, – Олимпиада скорбно поджала узкие губы.

– Кто ещё, кроме вас, знал, где находится вино? – строго спросил Джигурда и дал знак своему помощнику забрать ящик: вдруг остались отпечатки пальцев.

– Владыка знал. И тот же отец Родион... – привратница потупила печальные глаза.

– А этот... Караченя?

– Петенька? А как же. Он ведь сам полнехонький ящик сюда притащил со склада. Я ещё отговаривала: надорвешься, мол...

– Когда он в последний раз был здесь?

– Вчера, после обедни. Ему надо было какие-то дела утрясти в епархии. И ко мне заглянул. Баночку липового меда принес. Он любит гостинцы дарить.

– Значит, у него была с собой какая-то сумка? – с деланной небрежностью поинтересовался следователь, одновременно проверяя задвижки на окнах.

– Черный портфельчик вроде чемоданчика.

– Дипломат? Вспомните: при Карачене вы куда-нибудь отлучались? Во двор или в церковь?

– Петя сказал, что меня владыка просил зайти в епархию. Я пошла, но там отца Прокла не застала. Ушел, сказали, в комитет по делам религии.

– Итак, вы отсутствовали минут десять-пятнадцать. Или больше?

– Примерно десять... Я не замечала. Без часов хожу.

– Потом вы вернулись. Что в этот момент делал Караченя? Или его уже не было?

– Петя дождался меня. Сидел и листал четвероевангелие... – в лице Олимпиады что-то едва уловимо дрогнуло, и она невпопад перекрестилась.

– Расскажите о нем. Что он за человек? – настойчиво продолжал спрашивать Джигурда.

Он по ходу задаваемых вопросов становился все азартнее, это отражалось в мимике и жестах.

Привратница глубоко вздохнула, присела на короткую лавочку у стены и сплела на плоской груди узловатые пальцы, словно приготовилась к исповеди.

Иуда наблюдал за ней с неприязненным любопытством: какими-то своими чертами, как он после признавался, эта женщина вызвала у него в памяти образ Ширы, скаредной тещи Кифы, – которую равви вылечил от тяжелой лихорадки. Иуду она почему-то невзлюбила с первой встречи и советовала Егошуа избавиться от него. Рядом с истеричной Широю, похожей внешне на сушеную рыбу, Иуде всегда мерещился необъяснимый трупный запах, и потом у него на целый день портилось настроение. Чтобы избавиться от могильного запаха и взбодриться, он уходил на берег озера, к Дидиму, брату Симона и помогал тому мастерить новую лодку. Дубовые доски они связывали полосками тисовой коры, а зазоры между ними заполняли мхом и кусочками кремня. Приятная работа и ветер с озера вытесняли запах тлена. Кифа как-то похвалился набожностью своей тещи перед равви, но Егошуа сказал: остерегайтесь тех, кто ищет себя в Боге, а не Бога в себе, Симон, впрочем, не обиделся.

– Петеньку я люблю, как сына, – начала Олимпиада – Он ведь рос без родительской ласки. В детском доме воспитывался. Оттого и потянуло его к Господу, яко к отцу родному. Искал у Всеблагого защиты и любви. Петю я давно заприметила в нашей церкви. Стоит, бывало, в уголке подобно нищему отроку, похожий на тонкую свечечку. Глаза большие, тихие, полные внутреннего созерцания. Я вела с ним духовные беседы, кормила, подшивала одежонку. Потом он стал работать у нас сторожем. В армию его не взяли по здоровью. Готовился под опекой дьякона Родиона поступать в семинарию.

– Странности особого порядка за ним не водятся? – спросил Джигурда, поскучнев от такой лирической зарисовки.

– Для мирских мы все странные. Олимпиада с вызовом поглядела на следователя, а после вопросительно – на владыку, будто искала поддержки или одобрения.

– Может, он болел чем-нибудь? Депрессия, помрачения...

Привратница на секунду заколебалась, что-то не договаривая или боясь высказать. Джигурда подстегнул её официальным тоном:

– В ваших интересах рассказать мне всю правду, какой бы горькой она ни была. Иначе подозрение может пасть на вас. Для этого есть все основания.

У Олимпиады от испуга заострился нос. Она снова вздохнула, уже в предчувствии неизбежной боли.

– Одно время Петя и впрямь показался мне не совсем здоровым. Был он в состоянии какого-то внутреннего борения. Прятал от меня что-то. А вчера, как только я вернулась из епархии, не застав владыку, с ним содеялась эта самая... падучая. Листал он четвероевангелие и вдруг повалился с табурета, забился в судорогах, захрюкал, завыл. Я обмерла со страху. Потом укрепились духом, взяла иконку Богородицы и стала читать над ним молитву от всякой порчи, какой меня покойная матушка научила. А он дико захохотал и говорит каким-то чужим голосом: зови, мол, Искарюта, я теперь только его боюсь... Я так и не поняла, к чему он про этого выкреста сказал. Прости Господи! – Олимпиада лихорадочными движениями троекратно осенила себя крестом и вильнула глазами по пыльным углам, будто боялась увидеть там нечто в подтверждение своему рассказу.

Все в комнате подавленно притихли. Отец Прокл тоже перекрестился и слегка опустил голову. Мы застыли на месте, у дверей, как два сообщника, которых знание страшной тайны придавило своей тяжестью. У следователя Джигурды заблестела на сморщенном лбу влажная испарина, он тупо уставился на горбатую половицу, где плясал солнечный зайчик, и все не решался поднять взгляд, чтобы не встретиться ненароком глазами с тем, в существование кого ему пришлось окончательно поверить. А Иуда испугался самого себя: словно пойманный с поличным, сидел он, нахохлившись, на скрипучем стуле с оторванной спинкой и мысленно проклинал свою дурацкую добровольную командировку... Так и пролетят неповторимые сорок дней среди бесноватых и припадочных, как пролетели те незабвенные три года у Егошуа, в Галилее. А как хорошо было бы провести это время среди красивых, здоровых и счастливых людей! Да есть ли они вообще на свете? Признаться, мы посочувствовали ему, ибо сами мечтали о том же, дыша воздухом прокаженных.

Джигурда первым преодолел легкое замешательство и твердым шагом подошел к резной этажерке. Взяв с полки книгу с залоснившейся обложкой, по-видимому, захватанную пальцами, он спросил:

– Вы случайно не заметили, на каком месте прервал Караченя чтение Евангелия, когда случился припадок?

– Припоминаю... Книга лежала на полу и была раскрыта на цветной картинке, где изображено, как Христос изгоняет беса из одержимого в стране Гадаринской, вот! – живо спохватилась привратница, радуясь своей памяти и наблюдательности.

– Это там, где паслось стадо свиней? Вот это? – следователь показал Олимпиаде раскрытую на нужной странице книгу.

Вместе с нашим героем и мы подошли поближе: иллюстрация и впрямь устрасала своим наивным натурализмом благодаря точному, почти фотографическому рисунку. Особенно впечатляли злобные оскалы упитанных розовых свиней.

Иуда был особенно взволнован. Многие детали художник схватил так верно, будто сам был на том месте, возле того обрыва, и видел одержимого, который выскочил из скалистых пещер Вади Семака в длинных грязных патлах и рваных лохмотьях, израненный острыми кам-

нями и перепоясанный гремящей цепью. Этот безумец бросился с обломком горной породы прямо на Егошуа, словно знал, кто он. А раввун стоял к одержимому спиной, созерцая дикую прекрасную местность. В тот миг Иуда первым заметил опасность и метнулся наперерез. Ударил безумца ногой в живот, а затем, опьяненный победой, едва не забил до смерти – хотя бесноватый оказался поразительно вертким и сильным. Егошуа с гневом приказал отпустить несчастного, сказав, что он и сам бы легко справился, не делая человеку больно. И тут же это доказал: когда, освободившись из рук Иуды, безумец снова бросился на учителя, тот заморозил несчастного на месте одним движением руки и глаз – это было удивительное зрелище!

Иуда вдруг ощутил запах гниющих водорослей и смрадного тела одержимого из Гергесы, жившего в пустых гробницах.

– Значит, ваша молитва не подействовала на Караченю? – задумчиво спросил Джигурда и захлопнул книгу. – А вы не могли бы повторить ту молитву его еще раз, прямо сейчас перед нами, причем с той же интонацией, как тогда?

Олимпиаду не пришлось долго упрашивать. Она поднялась с лавочки и повернула постное лицо к следователю. Но вдруг передумала – и стала смотреть на Иуду, словно он показался ей более подходящим слушателем.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого духа, аминь. От Богородициной молитвы, от Иисусова креста, от Христовой печати, от святых помощи, от моего слова отыди, бес нечистый, дух проклятый, на сухие дерева, на мхи и болота, и там тебе место, житие, пребывание и воля, и там кричи, а не в рабе божьем Петре самовольничай. Вся небесная сила, Михаил Архангел, Авоид-ангел и все святые чудотворцы: Нифонт, Илия пророк, Николай чудотворец, Георгий Победоносец, и царь Давид, Иоанн Креститель, Власий, Истофер и Никита великомученик...

– Достаточно, спасибо! – перебил Джигурда. – Может, у вас есть фотография этого Карачени?

Недовольная тем, что прервали её радостное восхождение на молитвенную гору, привратница обиженно скомкала губы, подсиненные горем и аскезой, и хотела было ответить в том духе, что нет, дескать у неё ничего... Но вовремя заметила, что следователь уже стоит около простенка и внимательно разглядывает на фанерном щитке остановленные мгновения её черно-белой жизни. Подошла и стала искать среди них Петин снимок, однако его там не оказалось.

– Мой сосед Прохор сфотографировал нас с Петей на прошлую Пасху и отдал мне фотографию. Мы даже не видели, когда он снимал... Но где же фотка? Позавчера еще висела вот здесь, под карточкой покойной сестры!

– Фотография была в единственном экземпляре? – Джигурда сделал вид, что очень расстроен.

– Ой, нет! Еще одна есть, в альбоме, – вспомнила Олимпиада и полезла в комод.

В её движениях, еще недавно заторможенных, появилась неприятная суетливость, а на блеклых щеках проступили красноватые пятна – верные признаки близкого нервного срыва. Наблюдать, как осыпается с привратницы шелуха навязанной самой себе роли, было тягостно: ведь о возможности для нее совсем другой жизни говорили красивые каштановые волосы, выбившиеся из-под старушечьего платка, стройная фигура, угадываемая даже сквозь монашеское платье до пят, выразительное лицо с тонкими чертами. Но его вряд ли когда-нибудь согревали мужские поцелуи. Теперь Олимпиада чем-то напоминала Иуде Марию из Магдалы, когда он потерял любимую навсегда.

Внезапно привратница, разгребавшая содержимое комода, резко отдернула руки назад, будто прикоснулась к скользкому телу гадюки, свернувшейся на дне разошедшегося ящичка. Джигурда стремительно подскочил к Олимпиаде – и тоже замер: среди мешочков с пахучими лесными травами лежал медицинский шприц. С помощью носового платка следователь извлек его и принялся к мутному цилиндрику, где темнел между иглой и поршнем остаток жидко-

сти травянистого цвета. Привратница поглядела на шприц круглыми неподвижными глазами и растерянно выдохнула:

– О, Господи! Откуда он здесь?

– Это мы и хотели бы выяснить, – Джигурда не мог справиться с захлестнувшей его волной радостного ожесточения. Горьковатый запах, просочившийся из цилиндрика, заставил следователя задуматься. Он снова подошел к старинному комоду и стал быстро перебирать серые холщовые мешочки с названиями трав, намалеванными химическим карандашом. И вот нашёл то, что искал. Держа в вытянутой руке перед собой один из мешочков, Джигурда медленно и строго, будто приговор на суде, прочитал вслух:

– Цикута, или вех ядовитый... – И нацелил на Олимпиаду сверкающие стекла своих очков. – Надеюсь, эта травка ваша?

– Моя. Что тут такого?.. – У привратницы задрожали длинные и как бы лишние на постном лице ресницы. – Я делаю из неё порошочки против опухолей, против коликов и всяких воспалений. Не для себя стараюсь – для людей.

– На этот раз вы, кажется, перестарались, – с удовольствием съязвил Джигурда. – Где вы траву достаете? И как готовите экстракт?

– У меня есть своё место в осиннике за торфяным болотом. Вех любит тень и прохладную землю. А готовлю просто: из свежих стеблей выжимаю сок, потом выпариваю его в глиняном горшке на слабом огне, всё время помешивая. И непременно шепчу молитвы.

Мы видели, что отец Прокл мрачнеет с каждым словом привратницы и все крепче сжимает на груди панагию с изображением Богородицы. Зато для нашего героя черница Олимпиада становилась ближе и понятней – сейчас он находил в ней сходство с родной матерью, которая всегда делила свою любовь к тайне между Иеговой и колдовскими травами.

– Какой препарат сильнее: из свежей цикуты или из сухой? – продолжал допрос Джигурда.

– Из свежей, конечно. Но им можно убить. И за свежей цикутой я уже давно не хожу, ноги болят. А сушеные листья зашиваю в полотно, размачиваю в кипятке и прикладываю к больному месту как припарку. Очень помогает!

– Мы в этом убедились, – не унимался в своем сарказме следователь Джигурда. От возбуждения он жадно закурил, уверенный, что теперь у хозяйки можно и не спрашивать разрешения. – Скажите, а Караченя знал, что у вас есть цикута?

– А как же! Я вылечила его этой травкой от коликов в животе. Он был мне очень благодарен.

– Оно и видно... Вы все же альбомчик разыщите, хотелось бы взглянуть на вашего сироту, – произнес Джигурда с нескрываемым раздражением.

– Так вы что думаете, это Петенька? – жалобно охнула привратница, словно до неё только что дошел смысл происходящего.

– Я ничего не думаю! Пока что все факты против вас, – хмуро отрезал Джигурда и, не дожидаясь, пока это сделает хозяйка, сам выдвинул последний ящик комоды – на ворохе катушек с разноцветными нитками лежал пухлый семейный альбом.

...На расплывчатой любительской фотографии привратница Олимпиада, в неизменном своем платочке, глухой кофте и длинной юбке, о чем-то оживленно разговаривала с худощавым длинноволосым пареньком в тонком свитере. Иуда пригляделся к снимку и отметил в лице парня знакомое несоответствие между диковатым выражением болезненно-размытых выпуклых глаз и чистой линией юношеских губ. Он узнал паренька на фото и сказал Джигурде:

– А ведь это Петруха по кличке Зелот. Он был в тот первый вечер у Марсальской в особняке.

13. Только без вранья!

Вечером мы наконец встретились со своим героем в холостяцкой квартирке Ирнега Тимса. Вряд ли стоит подробно описывать эту встречу: вся она до последнего жеста использована в книге, так или иначе. Конечно, мы волновались ужасно, как никогда в жизни, и ни на секунду не могли избавиться от чувства, будто снимся сами себе наяву, не в силах осознать, что являемся свидетелями великого чуда, такого будничного и в то же время незримого: сидим, пьем водочку, слушаем предателя номер один о своем детстве в Кериофе, о Марии Магдалине, об Иисусе и земле обетованной. Но счастье какое-то неполное, ибо до конца не верим, хотя понимаем, что верить надо, иначе не только роман не стоит писать, но и вся наша жизнь лишится тайны и продолжения – зачем тогда жить на этом острове? Красивый сильный человек читал наизусть целые отрывки из Ветхого завета на арамейском языке, на иврите, и музыка чужой речи убеждала крепче любого довода. Но когда мы попросили гостя приоткрыть завесу над образом его двухтысячелетнего существования, он наотрез отказался – даже если бы помнил. Всему, мол, свой срок. И всё же, опрокинув стакан красного вина, он подкинул для романа несколько деталей, но предупредил:

– Только без вранья. С меня достаточно Левия-Матфея...

Мы поспешно поклялись быть добросовестными в слове. Возможно, зря клялись. Потом прочитали Иуде главу из романа «Мастер и Маргарита» нашего любимого писателя Михаила Булгакова – о Христе и Пилате. Наш гость слушал внимательно и даже немного побледнел. В конце сказал:

– Записано хорошо. Но это не мой раввун. Разве мог такой жалкий человек перевернуть весь мир?

На те страницы, что были посвящены лично ему, и вовсе обиделся. Попросил налить водки – ухнул её одним глотком – и резко поднялся из-за стола: дескать, у него на сегодня назначена встреча с Вениамином Кувшинниковым. Мы и этому поверили, только нервно и глупо хохотнули на прощанье.

Закрыв двери за гостем, мы бросились к редакционному магнитофону, спрятанному под газетой на тумбочке, рядом с накрытым столом: запись была в полном порядке. И тогда мы поняли: на самом верху к нам благоволят, и, может быть, даже поощряют. Ведь им ничего не стоило уничтожить следы состоявшейся уникальной беседы – это умеют делать даже простые колдуньи, вроде Марсальской...

14. Два духа одного тела

– Возможно, ты уже успел заметить одну особенность нашей жизни, косвенно связанную с твоим именем. Никто у нас и не поморщится, если ты в сердцах назовешь его Каином или Иродом. Бабки костерят этими именами своих внуков. Но попробуй кого-нибудь обозвать Иудой – последний негодяй бросится на тебя с кулаками. Почему?

– Хочешь обидеть? За евангельского Иуду я не отвечаю. Это на совести апостолов.

– А Иисус?

– Не совсем таков. Но более-менее похож.

– Как тебе наш Тотэмос?

– Я будто попал в свою древнюю Иудею. Кругом одни патриоты и учителя. Боюсь, что и конец будет тот же...

– Ты посетил гробницу Великого Островитянина?

– Следователь Джигурда водил на экскурсию... Ничто не ново под колесом луны! Эти скифы талантливо крадут отовсюду понемногу и выдают за своё. Кто он такой, ваш Великий Островитянин?

– Когда-то он действительно был мой. Казался посланным свыше вождем и пророком. В школе я вообще боготворил его. Как и положено! Потом даже пытался сопоставлять его жизнь и деятельность с Писанием. Вспомни: Иегова разрешил Навуходоносору срубить могучее дерево господства Бога. На корень дерева были наложены железные и медные узы – до будущего разрешения ему расти. Это случилось в дни последнего царя – Седекии. Потом пошли, по словам Иисуса, определенные времена – период существования без божественного дерева. Их срок указом в книге пророка Даниила и составляет семь времен. Это 2520 лет... Не буду утомлять тебя подсчетами. Кончились эти смутные времена в тот самый год, когда деятельность Великого Островитянина достигла своего пика. Вспыхнула первая большая война, начатая каинитами. Сбывались предсказания о последних днях, а именно: восстанет народ на народ, царство на царство, и будут голод и мор, землетрясения по местам, умножения беззакония...

– Думаю, твои привязки истории к Писанию не очень нравились Веберу?

– Тебе уже Ксения рассказала? Да, он приходил в ужас от моих изысканий. Даже поставил на одном собрании вопрос о моем пребывании на сходках. Я тогда был молод, и мне простили. Лично ко мне Вебер относился заботливо, по-отечески. И я к нему соответственно. Хотя имелись у нас разногласия. Великого Островитянина он считал злейшим врагом человечества. На этой почве Вебер постоянно конфликтовал с властями острова. А я исходил из принципа: кесарю – кесарево... Вспоминал сказанное апостолом Павлом: каждый пусть остается на своем месте. Вполне разумный компромисс. Не надо лезть в политику. Вебер обвинял Великого Островитянина в разрушении церквей. Я возражал: не он разрушил, а его ученики. Разве Иисус не говорил: разрушу сей храм и в три дня построю новый? А чем лучше, казалось мне, наша церковь? Та же торговля, только свечами, крестиками и ладанками, то же фарисейство, угодничество перед людьми в рясах, поклонение рукотворным иконами... Да ведь и сам Вебер выступал против всего этого!

– Как ты смотришь на то, чтобы я организовал «Общество друзей Иуды»? Можно называться и «Свидетелями Иисуса».

– Не паясничай. Об этом я тоже часто спорил с Вебером. Он делал основной упор на Иегове и часто забывал про Христа, они оба как бы сливались у Вебера воедино. Я же хотел некоторого разграничения. Для меня Христос был, прежде всего, Сыном Человеческим, а уж потом Божьим. А Вебер все человеческое в нем как бы не принимал в расчет. Наша община стала смахивать на некий иудаистский филиал веры. Моя островитянская натура не могла с этим мириться.

– И вы разошлись, как в море корабли?

– Быстро ты наших словечек нахватался. Произошло наихудшее, даже вспоминать об этом – как Сократу пить цикуту. Дело вот в чем: Вебер давно сидел на крючке у секретной службы безопасности Тотэмаса. Я тоже был на заметке. Но ко мне относились благосклонно: я их устраивал. Однажды меня вызвал к себе Ферапонтов – он тогда руководил этой службой, и прямо в лоб заявил: у нас, мол, имеются все права запретить деятельность организации. Но у вас, сказал он, есть выход – добиться переизбрания Вебера и самому стать надзирателем. Дайте нам, говорит, имена наиболее рьяных его сторонников и защитников, и мы с ними интеллигентно потолкуем, а вы поговорите со своими людьми. Я знал, что со службой безопасности не шутят. И сделал всё, как велел Ферапонтов: ради спасения общины! Был уверен, что смогу оживить её деятельность, очистить от рутины и привлечь молодых островитян. Вебер же своей непримиримостью мог все погубить. В общем, я деликатно побеседовал со старейшинами и теми старшими из мужчин, кто поддерживал мою линию на обновление. Они согласились. Ферапонтов со своей стороны поработал с приверженцами Вебера: припугнул их в свойствен-

ной ему манере сытого льва. В конце концов, на областном собрании выбрали меня, причем с солидным перевесом в голосах.

– Ну и в чём здесь трагедия? Неужели Вебера это убило?

– Именно так! Я и не думал, что он настолько честолюбив. Публично назвал меня раскольником и как говорится, хлопнул дверью: создал свою инициативную группу, можно сказать нелегальную. При всем своем уме Вебер был наивным человеком. Вскоре меня снова вызвал к себе Ферапонтов и предупредил: что группа Вебера становится опасной, но применять к ней силу власти не хотят, чтобы не сделать их страдальцами в глазах Запада. Поэтому я должен честно написать всё, что думаю о своем бывшем надзирателе, вспомнить его безыдейные высказывания о Великом Учителе, а также в адрес руководителей центральной и местной властей. Короче, отречься от него. Я воспротивился. Тогда Ферапонтов намекнул, что моя связь с Марией Залетновой может из тайной сделаться явной: заинтересованные люди донесут до нужных ушей – и жены и общины. Я возразил: мол, у него нет, и не может быть никаких доказательств, это чистой воды шантаж, – и Залетнова, утверждал я, просто подруга школьных лет, которую мне хотелось вовлечь в организацию, но у меня ничего не получилось, и мы расстались навсегда. Он засмеялся и вытащил из стола несколько фотографий, где я нежно обнимаю Марию. Потом включил магнитофонную запись одной из наших встреч. Впервые мне тогда захотелось убить человека. Мелькнуло даже подозрение, что Мария работает на него. Я понял, что из этой ловушки не выкарабкаешься. Смириться с возможным уходом жены и потерей влияния в общине я бы ещё смог. Но дети... Я ведь по ним до сих пор тоскую... Ну, а что дальше, ты, наверное, знаешь. Группу Вебера, как известно, прикрыли. Что-то у него в нервах заклинило, и его упрятали в психушку. Из лечебницы он вышел как раз в тот день, когда меня убили. Вебер связал мою гибель с политикой, простил мне все грехи, облил себя бензином и устроил самосожжение возле памятника Великому Островитянину. Умер в больнице от ожогов.

– Глупо. С ним все понятно. А скажи мне: Мария любила тебя всерьёз или просто так... роман? Что тебе сердце подсказывало?

– Тогда мне казалось, что и вправду любит. Сейчас – сомневаюсь. К тому же, она хоть и присутствовала на двух наших собраниях, но не прониклась. Призналась, что будто какая-то сила выталкивает её со сходов в Зале Царства. Дескать, даже дурно ей делается... Но я её любил ещё с пятого класса.

– А почему ты не женился на ней?

– Скажу откровенно: своей женой я её не мог представить. Знал ведь, какая молва за ней тянется. А тут ещё мой брат...

– Он-то здесь при чём?

– При том... Мне кажется, что братец невзлюбил меня еще в утробе матери. Мы ведь с ним близнецы, однойцовые. Я появился на свет первым. Врачи говорили, что братик мой уже в зародыше проявлял плохой характер: поспешил вытолкнуть меня наружу. Выходил я в этот мир с трудом. Но Яшка – еще труднее. На семь минут задержался! Шёл он при родах ногами вперед. И от этого потом слегка прихрамывал. А тогда его еле спасли, и мама чуть не умерла. Делали кесарево сечение. Может, поэтому меня она любила больше. Яшка втайне страдал и ревновал... Думаю, со всем этим и связана его дурацкая идея личного пространства, которое якобы надо обязательно застолбить, чтобы стать счастливым. Ему всё время казалось, что я претендую на какую-то его долю. И он всё делал наперекор, лишь бы на меня не походить. Если я, например, с удовольствием уплетал манную кашу, он отпихивал тарелку. Одно время я не верил в Бога и любил Великого Островитянина. Яшка же наоборот: усиленно и часто вслух читал Библию, демонстративно ходил в церковь, дома молился перед едой – словно дразнил меня. Очень был дружен с дьяконом Родионом, который постоянно захаживал к нам, приносил гостинцы. Но меня от Шойгина просто воротило.

– Могу обрадовать: он твой родной отец. Перед смертью мне в этом сам признался.

– Я уже и сам знаю. Сегодня мы с ним встретились и немного пообщались. И, знаешь, он меня очаровал. А ведь в жизни был совсем другой! Или, может, казался таким: не духовным лицом, а лицедеем из народного театра.

– Твой братец, видно, многое от него взял?

– Не знаю, от кого он всякого набрался... Когда мы играли в войну или в казаков-разбойников, он неизменно бывал в стане моих врагов. И тут уж отводил душеньку, охотился на меня всерьез, как на лесную дичь, и если я вдруг опережал его, то выслеживал. Бросался с кулаками и готов был убить. Однажды мы втроём, вместе с мамой ехали в лифте, и лифт застрял между этажами. С Яшкой случилась истерика: побледнел как снег, затрясся, стал пинать всех, кто находился в тесной кабине. Хорошо, что вовремя пришли мастера. Мы и спать в одной комнате не могли. Но и с матерью он тоже боялся. Спал в кухне, на топчане. Мама обращалась к психиатру, но тот никаких особых отклонений не нашёл.

– Какое отношение имеет всё это к Марии?

– Самое прямое. Дело в том, что Машу, он, как выяснилось, тоже любил. Себя же уверял, что и она входит в зону его личного пространства, в которое я, дескать, нагло вторгся. Когда понял, что душу её не завоюет, решил приступом взять тело. Но это уж потом случилось, после истории с монетой... А сперва Яшка даже из гордости сумел разлюбить Машу. Вот характер! Сам признался: усилием воли и нарочитым разгулом циничного воображения попросту разложил её образ на составные части – на почки, желудок, мочевой пузырь. И так крепко думал об этом, что во снах Маша приходила к нему на свидание в образе ходячего скелета, в платочке и газовом платице. Скелет во сне щёлкал челюстями, говорил голосом Марии и нахально лез целоваться... С тех пор Яшка не мог смотреть на неё без смеха и тайного содрогания.

– А про какую монету ты упомянул? Я нашёл в кармане твоего пиджака половинку сикля. Не эта ли?

– Она. История с этой монетой – тоже загадка. Хотя наш остров загадками не удивишь. Самое интересное, что всем чудесам наши ученые находили научные объяснения. То вдруг на горизонте появлялся мираж прекрасного дворца из стекла и алюминия, с райскими птицами и фонтанами – некоторые островитяне устремлялись к нему кто на чем: на велосипедах, на телегах, на автомобилях. Иногда на виноградных лозах вырастали кукурузные початки – и почему-то всякий раз перед приездом высокого начальства из Центра. А однажды с неба посыпались эти монеты: нанесло их каким-то континентальным ветром. Мы с Яшкой стояли в это время в почетном карауле, возле памятника Великому Островитянину, что на площади Восстания. Дежурство там доверяли только лучшим школьникам Тотэмуса – они ждали своего дня, как праздника. И вот прошёл час, а мы все плавались на солнцепеке: смена где-то задержалась. На нас были мышинового цвета костюмы, пилотки, тяжелые ботинки, как у солдат. И вдруг напозднили тучи, поднялся шальной ветер с пылью. Внезапно я услышал звон монет, рассыпавшихся по булыжникам. Мы плюнули на караульный устав и бросились на волнующий звон. Монет оказалось немного, и почти все их расхватили туристы. Деньги – старинные, со всего древнего мира: из Египта, из Рима и Афин. Нам ни монетки не досталось, хотя все кругом обшарили. И вдруг одна монета с царственной грацией выкатилась откуда-то и прямо к нашим ногам. Мы вцепились в неё одновременно и даже вступили в короткую схватку. А после глядим: в руках у нас по серебряной половинке. Но мы и этому были рады. Коллекционеры каким-то образом пронюхали про нашу находку и предлагали за нее большие деньги. Я отказывался. А Яшка украл мою половинку и продал вместе со своей, как целую монету. Когда я обнаружил пропавшую, мы подрались. Но потом решили купить новый велосипед, один на двоих. И вдруг через неделю оба одновременно нащупали наши половинки в карманах своих штанов. То-то было радости! Мы окончательно помирились и дали клятву молчать. Общая тайна ненадолго объединила нас, вроде как заговорщиков. Яшка начал всерьез молиться. Да и я впервые заглянул тогда в Писание.

– Значит, вторая половинка находится у твоего брата?

– Ну да. От этих полсиклей невозможно избавиться. Мы зарывали их в землю ради проверки, но они все равно возвращались к нам в карманы, как бумеранги. Может, я преувеличиваю, может, причины в возрастных явлениях, но с тех пор мы стали открывать в себе новые черты. Яшка перестал бояться темноты и замкнутого пространства. А я – наоборот: не мог ездить в переполненных автобусах, прятаться в пещерах от непогоды во время турпоходов. Один вид толпы вызывал у меня панический страх и затаенную ненависть. Забыл рассказать: когда монета располовинилась у нас в пальцах, в тот момент у каждого в груди словно что-то запеклось. Может, и от жары. Мы приложили холодные, как лед, половинки к горячим местам, и сразу стало легче. Правда, у Яшки нагретое место вскоре начало опасно твердеть. Мать испугалась, что там злокачественная опухоль, и повела его к хирургу. Тот решил разрезать. И знаешь, что выявил? Не поверишь: неразвившийся плод младенца! Врач сказал, что это мог быть зародыш третьего нашего братца, которому не повезло. Видимо, Яшка находился в утробе матери в более выгодном положении и, грубо говоря, забрал все соки, предназначенные для младшего братца. Когда мертвый плод вырезали из груди, Яшка почувствовал себя лучше, перестал раздражаться из-за пустяков. Он сделался проще, но и опасней. Заметив, что я потянулся к Богу, он наперекор мне тут же охладел к церкви и заделался эпикурейцем, прожигателем жизни. В наступивший для него усладительный период он и изнасиловал Марию...

– Это как же? И ты его не убил после этого?

– Не горячись. Он воспользовался сходством со мной. Как, впрочем, и Мария завоевала меня своим сходством с Магдалиной. В моем воображении, конечно. Ты ведь подтверждаешь мою поразительную догадку? Прочитав все четыре Евангелия, я возлюбил Магдалину почти как реальную женщину. Отчего – не знаю. Я испытывал к ней такое же сокровенное мужское влечение, как и к Залетновой. Я бредил, тосковал, сочинял, лепил для себя образ, подобно греческому Пигмалиону, – пока не убедился, что моя одноклассница Маша Залетнова и есть прекрасная Магдалина. Это стало потрясающим открытием. Тайная мечтательница, хорошая подружка и лукавая проказница вдруг преобразилась. И не только в моих внутренних, но и во внешних глазах. А потом был сон: Маша и Христос, взявшись за руки, идут ко мне по весеннему полю и улыбаются, и у неё на голове светится венок из красных анемонов. Я проснулся, заплакал и понял, что люблю. Да и Маша изменилась ко мне, словно ей передалось мое состояние. Сама как-то обмолвилась при встрече.

– Очень интересно. Но ты отвлекся, мой брат.

– Так вот... Мария какое-то время жила одна. Мать её скоропостижно скончалась, а отчим куда-то уехал. Яшка надел мой выходной костюм, новые туфли, сбрил свои усики, которые носил в качестве отличия, и вечером нагрянул к ней домой. Она после рассказывала, что все его манеры, все словечки были моими. На них она отчасти и купилась. К тому же никогда еще не видела меня Мария таким обворожительным и, как нынче говорят, сексапильным. Он весьма тонко действовал и совершенно вскружил ей голову. А тут ещё вино, цветы, музыка. И только позже, в постели Залетнова поняла, что это не я. Но было поздно... Он ведь заразил её какой-то болезнью, негодник. Думаю, нарочно.

– Так, может, он жив? Следователь Джигурда считает, что его смерть мнимая. Уж не он ли тебя ножичком?

– Он, конечно, жив. Но ещё раз повторю: это ваши проблемы. Меня они уже не волнуют. Я и так лишнего наговорил...

Глава 5

«Отцы и дети»

15. Петр Караченя и колдунья Ядвига

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.